

МАРА ВУЛЬФ КОРОНА

18+

ПЕПЛА

Мара Вульф
Египетские хроники.
Корона пепла
Серия «Young Adult. Немецкие
фэнтези-бестселлеры Мары Вульф»
Серия «Египетские хроники», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69515809

*Египетские хроники. Корона пепла / Мара Вульф ; [перевод с немецкого
И. Офицеровой].: Эксмо; Москва; 2023*

ISBN 978-5-04-180669-9

Аннотация

Я Нефертари, возлюбленная Ангела смерти. И теперь я мертва. За жестокое предательство союзника мне пришлось заплатить сполна. Но я никому не позволю забрать мою душу в загробный мир. Теперь я должна вернуться к жизни и отомстить, заполучив Корону пепла. Отныне меня не волнуют желания ни Азраэля, ни кого бы то ни было. Последняя битва останется за мной.

Любовь к Азраэлю оказалась роковой ошибкой. Если я буду смертной, то не смогу последовать за ним в Атлантиду, а бессмертие обречет меня на адскую боль от любого

прикосновения. Все, что нас связывало, погибло. Вот только закончились ли тайны в мире ангелов и демонов?

Содержание

Азраэль	8
Тарис	22
Азраэль	53
Азраэль	82
Тарис	105
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Мара Вульф

Египетские хроники.

Корона пепла

Любовь должна быть не идеальной, а настоящей.

*Для Анки:
если однажды какая-то гора окажется
слишком высокой, мы поднимемся вместе с тобой
до самой вершины.*

Marah Woolf: Krone aus Asche – AtlantisChroniken 3

Copyright © 2022 by Marah Woolf (www.marahwoolf.com),
represented by

AVA international GmbH, Germany (www.ava-international.de)

Originally published 2022 by Marah Woolf, Germany

© Офицера И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Азраэль

Над нами грозно возвышаются серые каменные стены пустыни. Из-за них мне нечем дышать, а тело Нефертари тем временем становится все холоднее. Кажется, существа, запертые в камне, оживают. Может, это всего лишь вызванная ядом в моих венах галлюцинация, но мне мерещится, будто они двигаются. Если им удастся вырваться из плена, существа набросятся на нас и окончательно разорвут на куски. Нельзя этого допустить, но сейчас у меня не хватит сил справиться даже с одним из них.

Я прижимаю лицо к волосам Нефертари. От них несет кровью и смертью, и этот запах вызывает у меня приступ тошноты, напоминая о долгих годах войны. А ведь я думал, что все осталось позади. Теперь же картины прошлого вернулись – более яркие и разрушительные, чем когда-либо. Я стараюсь контролировать дрожь в конечностях, но безуспешно. Глаза горят, я с трудом держу их открытыми. Боль, сотрясающая мое тело, просто убийственна. Еще минута в цепях, и я бы умер. Несмотря на это, я не испытываю благодарности за то, что Сет разорвал их. Яд орихалка – ничто по сравнению с болью от потери Нефертари. Сет отнял ее у меня. Я попал в другой ад. Словно напополам разорвали не только мое тело, но в первую очередь сердце.

Я целую ее в лоб и трепещущие веки. Мысли путаются.

Бездонное отчаяние сменяется яростью, что темнее самых мрачных уголков Дуата. Эта ярость направлена не на бога, а на себя самого. Я позволил Сету убить, а Юне – обратить ее. Теперь бессмертные откроют на нее охоту. Мы всегда так поступали с демонами. Ни разу не проявили сострадание. Чувство вины разъедает меня изнутри. Никто из них не обратился в монстра добровольно, но мы никогда не принимали это во внимание. Однако я подобного не допущу. Я буду ее защищать. Чтобы убить Нефертари, им сначала придется сразиться со мной.

Вновь целую ее окровавленные щеки. Эта девушка была невероятно смелой, и я надеюсь, что смелость не сгорит в жаре трансформации. Как только превращение завершится, я заберу ее отсюда. Мы уйдем в такое место, где она окажется в безопасности и где никто больше не причинит ей вреда. Я еще не знаю, что это за место, но не успокоюсь, пока не найду его. Как же хочется, чтобы она открыла глаза. Как же хочется признаться ей в любви и избавить от всех страхов. Только вот она неподвижно лежит у меня на руках, безмолвная и холодная.

– Тебе следует оставить ее здесь. – Тон Микаила не терпит возражений. – Мне очень жаль, но у тебя нет выбора. Подумай о своем положении. В данный момент мы не можем себе позволить нарушать собственные законы. Нам придется объяснять, как Сету удалось украсть Кольцо огня. Это наш долг перед нашими народами.

Всю бессмертную жизнь я старался поступать так, как велит долг перед моим народом. Стремился защитить родину, а когда не сумел, собирался ее вернуть. Но я больше не хочу в Атлантиду. Я хочу помочь Нефертари выжить. Не Сет сотворил это с ней, а мы.

– Мне плевать на свое положение. – Слова обжигают язык, словно горячий песок. Мне нужно попить и отдохнуть, чтобы раны поскорее затянулись, но я не в силах отпустить Нефертари.

– Ты не в себе и ранен, однако ответственность лежит на всех нас. – Саида кладет руку мне на плечо. – Ее не всегда легко нести, и тем не менее кто-то должен это делать.

Поэтому она велела собственному сыну вступить в отношения с женщиной, которого тот не любит? Ведь именно поэтому здесь Микаил, а не Исрафил. Потому что она не доверяет Исрафилу. Какие еще у Саиды секреты и не устала ли она от них? Все эти интриги и тайная борьба – вот что прежде всего привело нас сюда.

Я убираю пропитанную кровью прядь волос за ухо Нефертари. Холод каменного пола проникает сквозь мои разодранные штаны.

– Мы втянули ее в это, и я не брошу ее на произвол судьбы, – настаиваю я. Какие бы последствия ни вызвало это решение, я останусь с ней. Если Микаил намерен помешать, ему придется вырвать Нефертари у меня из рук, а потом и убить меня.

– Хорошо, – поразительно быстро сдается Саида. – Тогда мы возьмем ее с собой в наш дворец.

Одариваю ее недоверчивым взглядом. Из-за заливающей глаза крови у меня не получается расшифровать выражение лица королевы, но я вижу знакомую улыбку на ее губах. Вот бы Гор был здесь и мог прочесть ее мысли! Наверняка это ловушка. Слишком опасно. После обращения Нефертари станет непредсказуемой. Она будет представлять опасность для любого, у кого в жилах течет красная кровь.

– Азраэль прав: она пожертвовала собой ради нас, – продолжает Саида. – Мы не бросим девочку в беде. Я беру ответственность на себя. Джинны о ней позаботятся.

С облегчением замечаю, как Михаил склоняет голову. Если бы пришлось с ним биться, я бы проиграл.

– Или он мог бы ее забрать, – все же предлагает высший ангел, взглядом указывая на Платона и его дочь.

Он с ума сошел? Ни за что не допущу этого. Я уже не чувствую рук, но сильнее прижимаю Нефертари к груди. Ее ледяной холод будто огнем обжигает мою кожу.

– Это с самого начала входило в твой план? – спрашиваю у Платона. Без него мы бы не разгадали ту загадку, а Сет не нашел бы хранительницу кольца. Именно он заманил нас сюда. У меня кружится голова. Я больше не в состоянии ясно мыслить. – Зачем ты ее обратил?

– Нефертари заслуживает жить, – отвечает Платон только на один из заданных вопросов и отступает назад. – Она

храбрее всех вас, вместе взятых. И эта храбрость ей еще понадобится. – Философ грустно улыбается, как будто видит ее будущее.

Хотя, возможно, он действительно видит. Бывают вампиры со странными способностями. Бесспорно, этот мужчина отважен. И эта отвага пригодится ему, когда Сет узнает, что он превратил Нефертари. Вряд ли бог рассчитывал на подобное. Ее смертью Сет хотел наказать меня, ведь я не выступил на его стороне. Сет посчитал, что я его предал. Он до сих пор не понял, что в той войне дело было вовсе не в нас и не в наших желаниях.

– Геката тоже там? – интересуется Саида, указывая подбородком на огромные двери. – Это ваш совместный план?

Даже сквозь собственную боль я различаю ее ужас при мысли о том, что Геката могла знать обо всем. Раньше Саида с ней дружила. Как и мы с Сетом. Он вновь меня предал, и цена, которую я заплатил на этот раз, еще ужаснее, чем прежде. Безжизненное тело Нефертари лежит у меня на руках, холоднее, чем сама смерть.

Платон отрицательно качает головой.

– Нога Гекаты ни за что не ступила бы на ту землю. – Он кладет руку на плечо своей дочери. – Для нас геенна – единственное убежище от вашего преследования. А сейчас уходите. Рита, первая из магинь, желает вашей смерти. Она не простит мне проявленной по отношению к Нефертари милости. Зато Сет поблагодарит меня, когда она найдет для него

корону.

Милость? Он над нами насмехается? И тут осознание его слов заставляет меня зажмуриться.

– Корону? – в шоке переспрашивает Микаил. Его трудно выбить из колеи, но в этот миг он выглядит по-настоящему ошеломленным. – Неужели Корона пепла в геенне? – Высший ангел хватается за меч, как будто в случае необходимости готов добыть эти сведения силой.

Люди считают геенну адом, однако данное слово и близко не передает того, чем на самом деле является это место. Даже мы, бессмертные, упоминаям о ней лишь шепотом и отчаянно мечтаем забыть о ее существовании. Корона не может находиться там. Иначе это конец.

Ничуть не впечатлившись угрожающим жестом Микаила, вампир вместе с Юной нечеловечески быстро мчится обратно к высоким воротам.

– Знай я о местоположении короны, мы бы не оказались в такой ситуации. Никто из нас, – загадочно отвечает Платон.

Он через щель в дверях проталкивает дочь на другую сторону, а потом обращается уже ко мне одному:

– Оставайся с ней. Трансформация очень болезненна. Ты будешь ей нужен.

Секундой позже проход растворяется в скале, словно его никогда и не существовало. Перед глазами пляшут звездочки, и я едва заставляю себя не терять сознание. Однажды Сет выйдет оттуда, а я подожду здесь, чтобы его убить. От гнева

яд быстрее пульсирует у меня в венах, вызывая приступ удушья. На мне не осталось живого места, крылья разодраны, и я почти не могу пошевелиться. Яд делает свое грязное дело. Да, сейчас бы я не выстоял против Сета, но я исцелюсь, а потом выслежу его... даже если это станет последним, что сделаю в своей жизни. Тому, что Сет сотворил с Нефертари, нет прощения. Этот мир слишком тесен для нас двоих. И этот, и Атлантида.

– Платон прав. – Саида жестом подзывает к себе воина-призрака. – Нам надо уходить, причем немедленно.

– Ты правда собираешься пойти на такой риск? – Михаил возвращает меч в ножны. – Совет вызовет вас на суд. Ты рискуешь быть исключенной из его членов, если станешь защищать Нефертари.

Королева задирает подбородок, а Данте замирает рядом с ней.

– Только если вы, высшие ангелы, повернетесь против нас, продолжая узколобо цепляться за ставшие бессмысленными законы. Альтернатива для нее – это место, – отвечает принц вместо матери, указывая туда, где еще недавно находились врата.

При мысли о том, что когда-нибудь Нефертари может впасть в отчаяние и отправиться туда, меня бросает в холод, и я сжимаю ее еще крепче. И пусть Саида одна из храбрейших среди знакомых мне женщин, но сейчас она явно боится за сына, который посмел открыто выступить против ари-

стоев.

– Она не пойдет в геенну, – вмешивается Энола, кладя руку мне на плечо.

Сейчас она единственная, кто еще способен за нас сражаться, но, сделав так, обречет себя на смерть. Против высшего ангела у пери нет шансов, даже учитывая ее яд. Впрочем, ее эта идея ничуть не пугает. Меня переполняет благодарность, однако я не желаю, чтобы друзья страдали от последствий моих поступков. Только не снова. Не представляю, как Саиде удалось убедить Микаила ей помочь. Но если бы он не появился здесь, не разрушил с помощью Скипетра света Камень Плача и не открыл проход, нас уже не было бы в живых. Сет и его демоны убили бы всех.

Из последних сил я раскрываю крылья или то, что от них осталось. Надо было убить Сета сразу после его возвращения. Зная его лучше любого из нас, я все же обманулся, как остальные. Никогда себе этого не прощу. Со стоном пытаюсь встать, не выпуская из рук Нефертари, и падаю обратно. Ни в одном из боев прежде я не получал настолько сильных повреждений, как сегодня, но мне нужно перенести девушку в безопасное место. Здесь она оставаться не может.

– Я на твоей стороне, Аз, – объявляет Микаил. – Просто хочу удостовериться, что ты отдаешь отчет в своих действиях. После превращения она уже не будет той женщиной.

Из моего горла вырывается тихий рык. Неужели он считает, будто для меня это имеет значение? Прислоняюсь лбом

ко лбу Нефертари. Я бы умер за нее без капли сомнений. Только что толку, если некому будет спасти Нефертари от нас и от себя самой? С самого начала вероятность нашего совместного будущего была крайне мала, а теперь во мне умирает последняя крошечная надежда. В жилах потрескивает яростное пламя. Не от яда – от охватившего меня отчаяния. Следовало догадаться, что Сет опять нас обманет.

Раздается разочарованный вздох.

– Позволь мне ее взять, – предлагает Микаил. – Ты всегда был слишком упрям. Сожалею о случившемся, но я никогда не считал тебя врагом, Аз. Просто я лучше, чем ты, держу свои эмоции в узде.

Наверное, он прав. Силуюсь сформулировать хоть одну четкую мысль. Боль делает это практически невозможным. Если отпущу Нефертари, если отдам Микаилу, есть вероятность, что он ее убьет. Отчаяние хуже, чем физические мучения. Мне нельзя ее потерять и нельзя никому верить.

Коснувшись руки сына ладонью, Саида ободряюще кивает мне.

– Отдай ее Микаилу, и тогда мы сможем уйти отсюда. А во дворце займемся твоими ранами. Так ты ее не защитишь и сам это понимаешь.

Она права. Мои крылья бесполезны, и прямо сейчас я бы не сумел поднять даже нож. Микаил медленно наклоняется вперед, словно опасаясь, что я вцеплюсь ему в глотку, а потом аккуратно забирает из моих рук Нефертари. Невольно

отмечаю выражение лица, с которым Энола следит за высшим ангелом. Она никогда не ставила под сомнение его авторитет как аристора, но если Микаил что-то сделает с Нефертари, пери порвет его в клочья. Ради меня.

Один из воинов-призраков подходит ко мне и помогает подняться. Я стискиваю зубы. Кажется, боль впивается в тело тысячей пуль и иголок. Поддерживаемый воином, я с трудом переставляю ноги в сторону выхода. Покинув пещеру, мы по дорожке возвращаемся к туннелю, который проходит вдоль храмовой стены. Я потерял чувство времени и не могу сказать, сколько мы там провели. Судя по ощущениям – несколько веков, однако когда мы выходим, Ра выкатывает на небо багровый солнечный диск.

Ему уже известно о том, что натворил Сет? Получается, бога солнца он тоже обманул. Я буду охотиться на бывшего друга до тех пор, пока он вновь не окажется в мрачных темницах Ра, не будет ему ни спасения, ни прощения. «Смерть – слишком мягкая кара», – думаю я, на чистом упрямстве сопротивляясь беспамятству, которое уже вонзает в мою голову жадные когти.

Воин-призрак возвращает меня во дворец джиннов. Когда приземляемся на мраморную плитку, у меня перед глазами мерцают серые и черные пятна, а в голове визжат сотни демонов. На светлый камень капает алая кровь. Дышать очень тяжело, но я сцепляю зубы. С облегчением обнаруживаю Микаила, который опускается возле меня с неподвижно

лежащей на руках Нефертари. Благодарно киваю ему. От ангела не укрылось недоверие в моих глазах, и он, словно сми-
рившись, пожимает плечами.

Из садов и внутренних помещений дворца стекается стра-
жа и несметное множество местных джиннов. Несколькими
короткими приказами Саида разгоняет их, только неверя-
щий и испуганный шепот она пресечь не в силах. Ничего
удивительного, вид у нас кошмарный.

– Я останусь с ней, – шепчет Энола, опустившись передо
мною на колени. Она бледнее смерти, как и остальные, пре-
бывая в полнейшем шоке. Пери успокаивающе дотрагивает-
ся до моего плеча, а у самой пальцы дрожат. – Не волнуйся.
Никто не причинит ей вреда.

Попытка улыбнуться проваливается. Слишком велико
мое отчаяние и ужас из-за случившегося. Нельзя позволить
яду победить, поэтому, собрав волю в кулак, встаю и нетвер-
дой походкой направляюсь к Михаилу. Тот без единого слова
передает мне Нефертари. Да, порой мы расходимся во мне-
ниях, но все равно он понимает меня лучше любого из при-
сутствующих. Мы оба высшие ангелы и защищаем то, что
принадлежит нам. Все так же молча он поддерживает меня,
а Энола идет с другой стороны. Саида и ее воины-призраки
сопровождают нас по пути в комнату Нефертари. Там я ак-
куратно укладываю ее на кровать.

– Тебе тоже нужно отдохнуть, – произносит королева. –
Мириам осмотрит твои раны.

Я отрицательно качаю головой. Возможно, Платон врал нам, однако в том, что касается трансформации, я ему верю. Я хочу быть с Нефертари. Пусть неизвестно, сколько это продлится, одну я ее не оставлю. Ни на секунду. Боюсь, большие муки ей доставит не телесная боль, а душевная. Я не уйду до тех пор, пока она сможет терпеть мое присутствие. Хоть смерть и не отняла ее у меня, теперь я – полная противоположность того, в чем нуждается Нефертари. Ей сложно будет выносить пульсирующую по моим венам кровь, бьющееся сердце и мое тепло. Поскольку нельзя лечь рядышком и обнять, я лишь сжимаю ее руку, переставая обращать внимание на все вокруг. Я не отпущу Нефертари одну во мрак, который ее поджидает. Сет не единственный, кто виноват в случившемся с ней. Я виноват не меньше. Все мы. Впрочем, несмотря на рвущие сердце угрызения совести, понимаю: позволь я ей уйти навсегда, испытывал бы боль куда сильнее этой. Сет не победит. Немая клятва громко звучит у меня в голове, словно крик, а потом я погружаюсь во тьму, которая обволакивает Нефертари.

Нас окружает жесткий холодный воздух. Звонящий лед не дает ей дышать. Ее кровь прекращает бежать по венам, после чего, сделав последний удар, останавливается сердце. Душа Нефертари в отчаянии врезается в растущую со всех сторон черную как смоль каменную стену. Она хочет отрезать девушку от всего, что та любит и что ей дорого. Я впиваюсь пальцами в черные камни и бью по ним. Реву от бессилия,

пока барьер становится все выше и выше. Мои ладони превращаются в кровавое месиво, однако стену снести не удастся. Мои способности ничем здесь не помогут. Хочется подхватить Нефертари на руки и улететь с ней прочь, но крылья порваны. Моя сила стремительно тает. Надо удержать девушку. В Дуат ей нельзя, а я не знаю, куда уходят души демонов. Внезапно на нас обрушивается мощная волна. Я пытаюсь вдохнуть, отчего ледяная и в то же время обжигающая вода заполняет легкие. Она старается разделить нас, однако я лишь сильнее сжимаю руку Нефертари. Понятия не имею, что именно произойдет, но если отпущу ее, непременно потеряю. Меня ослепляет яркий свет, к нам тянутся языки пламени, а затем взвизгивает серый пепел. Вынужденный беспомощно наблюдать, как ломается тело Нефертари, я продолжаю держать за руку ее душу. Испуганный взгляд серебряных глаз горит в моих собственных глазах. Чувствовать ее ужас еще хуже, чем что бы то ни было.

– Все будет хорошо, – шепотом лгу я и сам себя ненавижу за это.

Испытываю желание зажмуриться, поскольку мне невыносимо видеть ее страдания, но это единственное, что я могу сделать для Нефертари. Она сжимает мою руку и улыбается. Эта отчаянная смелость разбивает мне сердце. А потом ее тело кусочек за кусочком начинает снова собираться в единое целое. Более прекрасное, совершенное, неуязвимое. Такое же и одновременно абсолютно иное. Да, я прекрасно

осознавал, что переживаю происходящее с ней только благодаря связи между нашими душами, но все равно это кажется пугающе реальным. Она будет чувствовать себя в плену своей идеальной оболочки, и я сделаю все, чтобы освободить Нефертари из нее.

Тарис

Вокруг царит темнота, хотя слово «темный» не в состоянии описать мрак, который меня окружает, и холод в моих конечностях. Однако ему не остудить жжение в венах. Такое впечатление, будто моя кровь испаряется в котле с ледяной водой. Боль раздирает меня на крошечные кусочки. И пусть я судорожно пытаюсь собрать мысли воедино, они рассыпаются, словно бусины с порванной цепочки. Понятия не имею ни кто я, ни где нахожусь. В ушах шумит, а при попытке вдохнуть у меня ничего не получается. На груди лежит что-то тяжелое. Тело выгибается, но кто-то снова его придавливает, крепко меня удерживая. Пробую скинуть его, однако не могу поднять руку. А потом улавливаю какой-то соблазнительный запах. Этот аромат щекочет мне ноздри нотами корицы и розмарина, а за ними – меди и железа. Из моего горла рвется жадное шипение. Во рту пересохло, и вместе с тем я захлебываюсь слюной – как бы абсурдно это ни звучало. Меня мучает жажда. Безмерная жажда, но нужна мне не вода, а... разум отказывается принимать то, что уже давно известно телу. Мне нужна кровь. Осознав эту истину, я захожусь в крике. Наверное, это кошмарный сон. Успокаивающие интонации очень медленно пробиваются сквозь мою панику. Все органы чувств перенастраиваются на голос Азраэля, и я невероятно отчетливо слышу каждый звук.

– Все будет хорошо. Обещаю. – Эти слова проводят меня через бесконечный туннель ночи и ужаса. – Я здесь. Я остаюсь. Попробуй чуть-чуть поспать. Не противься этому.

Его заверения – это как веревка, ведущая обратно к свету. Отпустив ее, потону в водовороте, из которого нет пути назад.

– Аз, теперь я о ней позабочусь, – перебивают его. – Тебе надо отдохнуть. Твои раны...

Шипение прерывает того, кто собирается его у меня отнять. Я двигаю одним пальцем. Азраэль должен знать, что я его слышу. Что я в нем нуждаюсь. Пусть не уходит.

Говоривший смиренно вздыхает.

– Тебе придется силой оттащить его от этой кровати. – Голос Исиды я узнаю мгновенно, в нем слышится насмешка. – Ты же понимаешь?

Снова шипение, и на этот раз я соображаю, что исходит оно от меня. Чья-то слишком теплая ладонь накрывает мою. Мозоли царапают чувствительную кожу. Прикосновение причиняет боль, но воспринимается таким родным. От облегчения у меня вырывается всхлип.

– Я никуда не уйду, – обещает Азраэль. – Я останусь здесь. Не бойся, я все время с тобой.

Все время – это похоже на вечность. Она мне понадобится, чтобы пересечь лабиринт, в который я попала.

– О небо, тогда ложись уже рядом с ней. Твоя боль наверняка просто невыносима. Крылья как будто провернули в мясорубке. Дай мне хоть что-нибудь для тебя сделать. Ни-

кому не станет лучше, если ты умрешь.

Умрет? Судорожно хватаю ртом воздух. Он не должен умереть. Если он умрет... не представляю себе мир без Азраэля. Стоит ему убрать ладонь, тут же начинаю ее искать. Порываюсь позвать его, но горло как будто сжалось. Пусть останется со мной. Он обещал.

Матрас подо мной прогибается, и я чувствую ангела рядом, пускай он больше до меня и не дотрагивается. Я желаю этого и в то же время не желаю. Воздух, который его окружает, слишком горячий. У него температура? Почему я не просыпаюсь? Хочу его увидеть.

– Я здесь, – бормочет Азраэль, и хотя щекой я ощущаю его теплое дыхание, голос звучит издалека.

Потом он опять берет меня за руку. Я держусь за нее, как за единственный якорь. Это больно, но я не отпускаю, несмотря на то что кожа Азраэля пылает. Невзирая на боль, я все равно не отпущу. Мое дыхание выравнивается, а между тем ледяной холод внутри разрастается. Я вновь тону в безбрежном сумраке. Он окружает меня, словно могила. Холод внутри и на поверхности кожи причиняет боль, как будто пришел из другого мира или другого времени. Не могу больше его терпеть, но не знаю, как снова согреться. Страх и отчаяние сдавливают сердце. Нужно успокоиться. Нужно попытаться сконцентрироваться на своем сердцебиении и дышать.

Сосредоточившись, я слышу, как ветер сворачивает за

угол. Слышу тихое призывное пение птицы, шуршание жука на каменной балюстраде арочного окна. Слышу облака на небе, но не слышу свое сердце. У меня в груди тишина. Мертвая тишина. Меня охватывают пустота и отчаяние. У нас не получилось? Поэтому так темно? Азраэль отвел меня в Дуат? Это там так холодно? Маат взвесила мое сердце, и оно оказалось тяжелее ее пера? Другого объяснения нет, ведь я не в полях с Малакаем. Неужели и он, и родители испытывали нечто подобное? Я всегда думала, что умирать легче. Из уголка моего глаза стекает слезинка, тут же превратившись в лед у меня на щеке. Азраэлю не следует находиться здесь. Ему нужен свет. Это не место для ангела. Даже для ангела смерти.

– Мы должны оставить ее в цепях.

Различив голос Саиды, я едва не всхлипываю от облегчения. Королева джиннов не появляется в Дуате, значит, я не мертва. Только вот мне по-прежнему холодно. Мрак теперь серый и уже не такой непроницаемый. Я целую вечность продиралась через чистилище. И не держи меня Азраэль за руку, заблудилась бы там. Не знаю, куда меня занесло, но он привел обратно. Я пытаюсь нащупать его ладонь, однако та исчезла. Неужели это просто сон? Меня начинает трясти. Он обещал оставаться со мной.

Судорожно втягиваю в легкие свежий воздух и облизываю пересохшие губы. Горло печет, и я вспоминаю собственные

крики. Затем в сознании всплывают обрывки других воспоминаний. Мы были в пещере. Сражались с демонами. Там нас ждали магини. Они заманили нас в ловушку. Они и Сет. Повсюду кровь. Я до сих пор чувствую пронизывающий запах меди и железа. Он примешивается к ароматам роз, ванили и ладана. Ощущая рвотный позыв, я давлюсь. Сет предал нас, переметнувшись на сторону магов. Как он мог так обмануть наше доверие? Мы все могли погибнуть, и он бы позволил этому случиться. Он настоящее чудовище. Тошнота лишь усиливается, когда обрывочные мысли собираются в единое целое. Ужасающие картинки снова и снова прожигают мой мозг. Все это время Сет использовал нас. Он никогда не был моим другом. В отчаянии я дергаю цепи, которыми скованы мои запястья и щиколотки. Металл трется о гладкую кожу, но не ранит ее. Я устрою Сету такую же боль, на какую обрек меня он. Почему я лежу в цепях?

– Перестань. Ты лишь делаешь себе больно. – Голос Энолы звучит до странности тонко и опасно.

Азраэль умер, и его унесли? На меня надели цепи? Снова тяну их. Меня накрывает волной паники. Пытаюсь выпрямиться. На грудную клетку мне ложатся чьи-то ладони, обжигая холодную кожу и причиняя просто неопишемую боль. Я дрожу, ловлю ртом воздух и наконец распахиваю глаза. Яркий солнечный свет на миг ослепляет, но вскоре я обнаруживаю, что с невероятной четкостью вижу каждую деталь интерьера. Как будто к моим глазам поднесли бинокль, при-

близив все, что находилось вдали. Никогда я не обладала настолько острым зрением.

Надо мной склоняется Саида. Я чувствую ее тепло, и, пусть это невозможно, от нее пахнет медью, железом и щепоткой корицы. Все внутри меня напрягается. Потребность вонзить зубы в мягкую плоть ее шеи становится непреодолимой, поэтому я вжимаю голову в подушку, стремясь увеличить расстояние до ее кожи. И все еще отказываюсь мириться с произошедшим, хотя понимание уже закрадывается в самые дальние уголки разума. Раздается животный рык, который не может исходить от меня, настолько он жуткий... и все же это правда. От отвращения и стыда я сжимаю губы и зажимаюсь. Не дышать!

– Выйдите, – приказывает кому-то Саида.

Пока я моргаю, она принимает облик джинна. Теперь ее кожа искрится темно-синим цветом. Глаза стали чернее и приняли миндалевидную форму. По плечам рассыпались длинные волосы. С облегчением отмечаю, что запах крови исчез.

– Нефертари, – тихо произносит королева, убирая прядь волос с моего лица, – ты меня узнаешь?

Жар на моей коже усиливается, уже обжигая.

– Больно, – сквозь зубы цежу я. – Почему так больно? Где Азраэль?

Саида опускает взгляд на свои руки и тут же отдергивает их.

– Извини, я не подумала. Ты теперь не выносишь тепло. У тебя слишком чувствительная кожа.

– Что... – снова облизываю губы, – что произошло? Где он? Он мертв?

– Нет, он не умер. Он все время находился с тобой. – Саида улыбается, и вместе с тем в глазах у нее блестят слезы. – Нам не удалось убедить его отойти от тебя. Однако сегодня утром Азраэль потерял сознание. Он оказался на грани.

Меня вновь охватывает страх, впрочем, не время ему поддаваться. Нельзя возвращаться обратно, в то холодное темное место из снов.

– Но он жив?

– Пока жив, – помедлив, кивает Саида. – О нем заботится Мириам. Он не желал уходить, пока все не закончится.

Понятия не имею, о чем она говорит.

– Что закончится?

– Ты совсем ничего не помнишь? Не помнишь, что произошло?

Затаившаяся на краю восприятия паника, словно только того и ждала, впивается в меня острыми когтями. Нет, я помню, но там наверняка кроется нечто большее. И вновь разверзается черная бездонная пропасть. Приходится серьезно постараться, чтобы не потерять сознание.

– Аз правда жив? – из последних сил шепчу я.

Вновь приподнимаю руки, отчего слышится звон цепей. Азраэль бы не допустил подобного. Она лжет. Неужели и

Саида предательница? Каждый человек способен выдержать лишь ограниченное количество сражений, я же полностью истощена.

– Азраэль жив, его раны затягиваются. За него можешь не волноваться, он выкарабкается. Как только сможет пошевелить хотя бы одним пером, сразу к тебе вернется. Понадобилось шесть воинов-призраков, чтобы оторвать его от тебя. Но не сделай мы этого, он бы погиб. Аз нескоро мне это простит. В такой ярости он не был даже после затопления Атлантиды.

Вспоминаю, что ангела тяжело ранили. Его терзала такая же жуткая боль, как и меня? Азраэля ведь приковали в пещере цепями из орихалка. По всей вероятности, действие яда стало для него настоящим адом. К тому же на его глазах Сет из друга вновь превратился во врага. Словно наяву ощущаю руки предателя на своих щеках и слышу щелчок. Резкий звук словно пронзает мое сознание, и я с криком извиваюсь в цепях.

На лице Саиды написан ужас.

– Это всего лишь воспоминание, – уговаривает она, вжимая меня обратно в подушки.

Только вот я и без нее знаю. Это не воспоминание, а то, что произошло со мной на самом деле. Сет убил меня, и все-таки я здесь. Мне сломали шею, и тем не менее я не в Дуате, а в своем личном, персональном аду.

Глаза Саиды темнеют от жалости, однако она ничего не говорит.

– Я умерла, – произношу не громче шепота. Прикрываю на секунду веки, и осознание потоком вливается мне в голову. Ужасный холод, сердце, которое больше не бьется, и жажда крови позволяют сделать только один вывод: меня обратили. Кто-то укусил меня, превратив в вампира. В демона. В бессмертного монстра. – Ко мне приходил Малакай. – Собственный голос чуждо звучит у меня в ушах, пусть и гораздо мелодичнее, чем раньше. – Он не захотел забирать меня с собой. – Я могла бы сейчас быть с братом. – Почему вы меня не отпустили?

– Потому что у тебя есть задание, дитя мое. Для тебя было слишком рано. Ты нужна нам.

У меня по спине бегут мурашки. Цепи с каждой секундой кажутся горячее и тяжелее.

– Снимите их, – выдавливаю, оскалив зубы.

Как они посмели? Серьезно? Меня оставили в живых лишь ради того, чтобы я завершила задачу? От злости у меня покалывает шею.

– Не могу. Прости, – качает головой Саида.

– Почему?

Дернув оковы, выясняю, что они хотя бы не из орихалка. Тяжелые и неудобные, но никакого яда не чувствуется.

– Так ты только причиняешь себе боль, – заявляет королева. – Их надел Микаил, и даже ты недостаточно сильна, чтобы тягаться с магией высшего ангела.

– Даже я?

Оставляю попытки вырваться. Интересно, это Азраэль разрешил так сделать или поэтому его и увели? Стараюсь сконцентрироваться на дыхании, чтобы не сойти с ума. Что, кстати, они тогда со мной сделают? И обязательно ли мне дышать?

– Это не наказание, – убеждает Саида, глядя меня по волосам. – Цепи ради твоей же безопасности. Если мы их снимем, ты можешь натворить что-нибудь, с чем потом не сможешь жить.

Ее синее тело истаивает, и королева принимает человеческое обличье. Порыв ветра колышет светлые, даже прозрачные занавески, а затем до меня доносится запах крови. Желудок и горло сводит судорогой. Из груди рвется раскати-стый рык, и я улавливаю какие-то изменения во рту. Клыки начинают расти, постепенно выступая над губами. Ошеломление от осознания этого факта накатывает на меня волнами. Хочется закричать, но страх и паника буквально парализуют меня. Руки трясутся. Я снова бесконтрольно тяну цепи, хотя уже должна бы уяснить, что самостоятельно мне не освободиться. Впрочем, разум меня не слушается. Я мечтаю вонзить зубы в шею Саиды. Прямо туда, где вижу пульсирующую артерию. Мечтаю хлебать ее кровь, пока не останется ни капли. Я не способна контролировать безумие, в которое впадает мое тело, да и не хочу вовсе. Единственное мое желание – ощутить вкус ее крови на языке. В который раз я выгибаюсь, щелкаю зубами перед королевой, брыкаюсь и

кричу. Жажда крови лишает меня рассудка.

Распахивается дверь, слышится голос Энолы, шаги приближаются, и я чувствую еще больше крови. Мой отчаянный визг переходит в высокое крещендо. Меня хватают и кладут ладонь мне на лоб. Тело сотрясается от удара током, и я падаю на кровать.

– Было ошибкой приносить ее сюда. Нужно покончить с этим, – презрительно замечает Исафил.

– Вынуждена признать, что он прав. – Это уже Исида. – Жалко девочку, но ничего не изменить. Закон четок и однозначен: она демон, и за само существование ей положена смерть.

– Она ненастоящий демон, а значит, закон на нее не распространяется. Мы не тронем и волоса на голове Нефертари. За нее отвечает Азраэль, – говорит Микаил, и я озадаченно моргаю.

– Он в этом деле чересчур пристрастен, – возражает Исафил.

– Я обещала Азу, что присмотрю за Тарис, – вклинивается Энола. – Если собираешься ее убить, сначала тебе придется сразиться со мной, – добавляет она, безмерно меня этим удивляя. Отличный ведь шанс представлялся от меня избавиться. Не настолько я наивна, чтобы верить, будто ради меня пери убьет высшего ангела.

– И как вы это обставите? Как суд над ведьмой? – оскаливаюсь я. – Воткнете мне кол в сердце?

Исида звонко смеется:

– Как славно, что ты не растеряла чувство юмора. Мы лишь пытаемся поступить правильно, девочка. Ты представляешь опасность для всех нас. И сама это понимаешь.

– Разумеется. – Кажется, Исида когда-то нравилась мне тем, что откровенно высказывает свое мнение? Я прикрываю веки. Неужели настолько плохо было бы просто умереть? Это не жизнь. И все же. – Я найду корону, – выпаливаю я, поскольку именно этого от меня ожидают собравшиеся. – Если объединим все три регалии, вы сможете снова превратить меня в человека.

– Размечталась! – фыркает Исафил. В тот же миг мне и самой становится ясно, как глупо верить чему-то, что однажды сказал Сет. – Та история – всего лишь предлог, чтобы заманить вас в ловушку. Он не превратит демонов обратно, даже будь регалии на это способны и готовы. Эти монстры – его темная армия. Без них он король без народа. Он стремился вернуться к ним, развязать войну против нас, и ты привела его туда.

Правда? Что есть правда, а что – ложь? Во рту скапливается желчь. Кому можно верить, а кому нет? Сет требовал у аристов, чтобы те с помощью регалий власти провели обратную трансформацию демонов, а когда они отказались, объявил им войну. Если Исафил прав, то мне суждено остаться в нынешнем состоянии. Вот только мне не нужно неуязвимое тело. Я хочу назад свое сердце и свое тепло.

Сейчас же по моим обескровленным венам текут гнев, страх и отвращение.

– Подождем, пока Азраэль придет в себя, – решает Саида. Ее голос звучит непривычно тихо. Сет и ее обманул. – Кроме того, право голоса есть еще и у Одина.

– Да он сделает так, как ты скажешь. Один уже давно не тот мужчина, которым был, а Тор... – Исида обреченно машет рукой, и в этот момент я ненавижу богиню, поскольку та лишает надежды нас обоих. – Ты несешь ответственность перед своим народом. А если Нефертари причинит вред кому-то из твоих дочерей или сыновей?

– Она этого не сделает.

Как Саида может быть настолько уверена? Если одна из принцесс приблизится ко мне в человеческой форме, а на мне не будет цепей, я и сама не знаю, что произойдет. Наброшусь ли я на нее? Смогу ли контролировать жажду? Хотя бы иногда? Или теперь я во власти этого желания? Платон же научился. Но сколько времени на это ушло?

– Нам нужно принять это решение за Аза, – вновь вмешивается Исфаил. – Он слишком часто делал неправильный выбор. Ее смерть станет для него избавлением. Сейчас она обыкновенный монстр. Он переживет и поймет, что это единственно верный выход. Скипетр у нас, и мы будем преследовать Сета, пока не получим кольцо, а дальше останется лишь корона. А уже в Атлантиде его будет ждать Нейт, и это исцелит Азраэля.

Вот же коварный ублюдок! Он даже не смотрит на меня, требуя моей смерти. Хочет поскорее с этим разобраться, пока Азраэль не может за меня заступиться. Для него я просто мусор.

– Ты заходишь слишком далеко! – припечатывает Михаил, от которого не укрылось, что от ярости я сжимаю и разжимаю кулаки. Если удастся разорвать оковы, первым делом я наброшусь на Исафила.

Стараюсь сфокусироваться на втором высшем ангеле. Перья его сейчас проявленных красных крыльев ласкают широкие плечи. Выглядит он грозно, хотя вряд ли этим можно напугать Исафила. Почему Михаил занял мою сторону? Или сторону Азраэля? К тому же спас нас. При помощи скипетра разрушил Камень Плача. Без него и воинов-призраков Саиды мы бы погибли.

От крыльев исходит невероятно яркое сияние, когда ангел подходит к моей кровати. Очевидно, высшие ангелы не всегда так едины, как я до сих пор предполагала. В пещере Сет упоминал что-то про Исафила и Осириса. Я пытаюсь вспомнить, но не получается. Зато вспоминается кое-что другое: Азраэль рассказывал, что вампирам нельзя доверять. Во время трансформации их сущность меняется. Он возненавидит ту, в кого я превратилась. Наверное, Исафил прав, и моя смерть станет для него облегчением. Только мне пока рано умирать. Сет еще не поплатился за содеянное. Мучения, которые он вытерпел у Ра, – ничто по сравнению с тем,

что приготовлю ему я. Надо просто выбраться отсюда, и я его выслежу. Злость и отчаяние уступают место твердой решимости. Я делаю глубокий вдох, и кислород словно леденеет у меня в горле. Возможно, мое сердце не совсем еще умерло, а лишь сковано ледяным панцирем. Это отлично сочеталось бы с эмоциями, которые внезапно пропадают. У меня остается единственная цель, на ней я и сконцентрируюсь. Никто из бессмертных мне не поможет. Если хочу вернуть себе жизнь, придется самой взяться за дело.

– Вы находитесь в моем дворце.

И пусть Саида удаляется на пару шагов и понижает голос, однако мой обострившийся слух улавливает каждое слово. Не кто иной, как Энола кладет руку мне на плечо, не отрывая взгляда от аристов, которые собрались вокруг Саиды. Неожиданно пери оказывается моей единственной союзницей. Почти ирония судьбы: ее прикосновение не так сильно обжигает мою кожу, как в случае со всеми остальными.

– Нефертари сильная, она справится с ситуацией, – продолжает Саида. – Мы нуждаемся в ее помощи, чтобы отыскать корону, и раньше все сходились в этом мнении. Если верить Платону, регалия не в геенне. Хотя бы одна хорошая новость.

Остальные молчат, но мне слышно, как мечутся их мысли. Каждый стремится извлечь из нынешнего положения максимальную выгоду для себя.

– Даже если она справится с ситуацией, все равно будет

опасна для всех, в чьих жилах течет кровь, – говорит Исида, теребя красиво накинутую на плечи шаль. – Ты возьмешь на себя ответственность за это? Очевидно, ее путь будет устлан множеством трупов.

– Тогда твой путь не сильно будет отличаться от их пути, – шепчет Энола так тихо, что ее замечание разбираю лишь я.

Прежде я бы посмеялась над ее сухим комментарием. Однако теперь я отчетливо понимаю, что больше никогда не смогу приблизиться к людям. Ни к Кимми, ни к Гарольду, ни к остальным родственникам, ни к Азраэлю. К нему тем более.

Саида торопливо направляется ко мне.

– Мы найдем выход. – Она утешающе гладит меня по щеке. Прикосновение словно опалает огнем, и я отворачиваю голову в сторону. – Когда соберем все три регалии, сможем обратить трансформацию. Скорее всего...

– Прекрати и ей давать ложные надежды, – фыркает Исида. – Сет устроил вам ловушку, и вы в нее угодили.

Богиня ведет себя так, будто с самого начала знала, что произойдет. Стараюсь прочесть что-то по ее лицу. Возможно, так и есть. Вполне вероятно, они с Сетом заодно. Жена изменила Сету с ее мужем. Ненависть могла их сплотить.

Ладонь Энолы у меня на плече сжимается в кулак. Ее отца превратили в демона. Она единственная, кого не должно было удивить предательство Сета, поскольку пери и так винит его абсолютно во всем: в смерти братьев, затоплении Ат-

лантиды... и тем не менее со стороны Исиды подло лишать Энолу веры в то, что, возможно, она вернет отца.

— Его волнуют исключительно регалии власти. Кольцо уже у Сета, и если магини хранили для него секрет местонахождения короны, то мы проиграли. — Исида как будто умоляет. — Сет наш общий враг, нельзя допустить, чтобы он достиг своей цели. Силы магинь очень велики, с их помощью он способен творить страшные вещи.

Я поднимаю руки, и цепи снова звенят.

— Тогда позвольте мне пойти к нему и принести кольцо. Если тем женщинам действительно известно, где корона, я это выясню. Просто отпустите меня. Я не причиню вреда никому из вас.

Плевать на слова Исафила и Исиды. Нужно надеяться на способность артефактов осуществить трансмутацию, и я не позволю отнять у меня этот единственный шанс.

Саида нервно сглатывает.

— В первые дни жажда крови чересчур сильна. Надо подождать. И Азраэль никогда на это не согласится.

Только вот его здесь нет, а у него нет права мне что-то указывать.

Остальные избегают моего взгляда. Все, кроме Михаила.

— Ты не обязана это делать. Это наша битва, а не твоя. Оставайся тут, в безопасности. Ты уже привела нас к двум регалиям. Этого достаточно.

Я больше нигде не в безопасности. Они в курсе, собствен-

но, как и я.

– Меня мучает жажда. – Для меня дискуссия окончена. У аристоев свои планы, а у меня – свои. – Наверное...

– Распоряжусь, чтобы тебе принесли что-нибудь, – поспешно отзывается Саида. – Мне очень жаль. Нам следовало лучше тебя защищать.

Да, следовало.

– Я осознавала риск.

Губы дрожат, поскольку такого, как сейчас, я и представить не могла. Разве вампиры не должны обладать невероятной силой? Однако в данный момент я чувствую себя более уязвимой, чем раньше, и радуюсь, когда посетители уходят. Их облегчение от возможности сбежать подальше от ужасной меня буквально можно потрогать руками. Комната погружается во мрак и тени. Я оставляю попытки вырваться из цепей, вместо этого впиваюсь ногтями в простыню под собой и слушаю треск рвущейся ткани. Почему Азраэль не позволил мне умереть? Сейчас я бы уже была с Малакаем. И лучше бы сражалась с демонами в Дуате, чем сама стала чудовищем.

Посреди ночи пробуждаюсь от шума ветра и шелеста пальмовых листьев. Мне снилась пещера. Демонические визги, боль и море крови. И крепкая хватка Сета. Если бы мое сердце еще билось, сейчас бы оно едва не выскакивало из груди. К счастью, я проснулась, не успев еще раз пережить

то, как меня убивают.

Внезапно до моих ушей доносится шепот.

– Я должна ее увидеть, – тихо возмущается Кимми. – Хочу знать, как она себя чувствует.

– Но к ней никому нельзя, – терпеливо, в своей типичной манере, объясняет Намик. – Нам устроят ад на земле, если кто-нибудь нас поймает.

– Тогда просто уходи, и я не признаюсь Саиде, что ты показал мне, где она прячет Тари. А если думаешь, будто я уйду, так и не увидевшись с ней, то ошибаешься.

– Люди, – бормочет Намик. – Если я пушу тебя туда одну, Гор просто убьет меня.

– Вот уж нет, – хмыкает Кимми. – Он перед тобой в долгу. Не извести ты Хатхор, он бы до конца бессмертия остался слепым. Не то чтобы это очень плохо, ведь тогда он больше не смог бы строить глазки всем этим томным девочкам-джиннам.

– По-моему, из вас двоих слепая ты, – ругается Намик, но тут же смягчается. – Я сейчас открою дверь, и можешь быстренько заглянуть. Надеюсь, после этого ты согласишься, что Нефертари здесь и жива.

В комнату падает узкий луч света, и мне приходится зажмуриться.

– Кимми, исчезни, – шепчу я, стоит уловить ее запах. – Уходи.

Конечно, она меня не слушает. Дверь распахивается, и ку-

зина бежит к кровати. Пытается обнять меня и душераздирающе всхлипывает. Мое тело обволакивает мягкий светло-зеленый шелк ее платья. А ее кровь заставляет рычать.

– Намик, забери ее, – выдавливаю из себя в отчаянии и крепко сжимаю губы. Если я причиню ей боль...

Управляющий быстро стаскивает с меня Кимберли. Сам он в облике джинна, за что я очень благодарна.

– Извини. Она немножко обезумела.

Это точно, поскольку, в отличие от него, Кимми ни капли не напугана. Неужели ей не рассказали, что со мной случилось?

– Ты жива. – Кузина улыбается сквозь слезы. – Как же я рада. Меня не хотели пускать к тебе. – Буйные рыжие кудри пружинят вокруг ее лица. И пусть Кимми выглядит усталой, несмотря на это она излучает какое-то сияние, которое, возможно, излучала всегда, но я смогла увидеть его лишь вампирским зрением. – Я так боялась.

Она пытается вырваться из рук Намика. Неужели напрочь потеряла рассудок? Кимми должна бояться. Только меня, а не за меня. Ей следует кричать от страха, но моя милая, добрая кузина ведет себя совершенно иррационально. Судя по всему, она еще в шоке.

– Я жива не по-настоящему, – выпаливаю раздраженно. – Я уже не человек.

– Мне все равно, кто ты, – отмахивается Кимми. – Взгляни на него, – указывает на джинна, – он синий и все равно

мне нравится. Ты по-прежнему выглядишь собой и не причинишь мне вреда.

Как она может быть так в этом уверена? Я сглатываю слюну, которая собралась во рту, когда Кимберли снова подходит ко мне, рассматривая что-то на тумбочке.

– Там то, о чем я думаю? – спрашивает она у Намика.

– Королева хотела, чтобы ты выпила крови, но ты уснула, – поясняет тот, обращаясь ко мне.

Кимми смело берет кубок, стоящий в мисочке со льдом.

– Хочешь... – Теперь ее голос все-таки слегка дрожит. – ...пить?

– Тебе стоит послушать Намика и уйти, – с трудом выговариваю я. – Наверняка ты нужна Гору.

Она упрямо мотает головой:

– Я и так все время провожу с ним. Сейчас он спит, а когда проснется, пусть немного потерпит. Я три дня и три ночи капала ему в глаза молоко газели – или что там за животное, – а я вообще-то ненавижу молоко. Мне дурно от одного запаха. Когда Хатхор в следующий раз придет с той штукой, придется кому-нибудь другому заняться этим.

– Гор начинает ныть, стоит только кому-то другому предложить свою помощь, – сообщает Намик. – Даже если она просто отлучилась в туалет, он сразу становится абсолютно невыносимым.

– Но он ведь не просто болен, – непроизвольно начинает возмущаться Кимми. Очевидно, критиковать неверного бо-

га разрешается только ей. – Демоны вырвали Гору глаза, и ему ужасно больно.

– Его глаза вот-вот вырастут заново. Скоро он будет как новенький, – раздраженно парирует джинн. – Но едва ты отворачиваешься, Гор все равно принимается скулить. А как только восстановится, побежит к принцессам. – Звучит как предупреждение, и, вероятно, это оно и есть.

– Ну и пусть бежит, – гордо заявляет Кимми. – Я ничего не жду взамен. Я вообще ничего не жду от Гора. Это довольно глупо. Он бог, а я смертная. Однако мы друзья, и он во мне нуждается.

К счастью, Намик воздерживается от ответной реплики. Во время этого разговора я почти забываю о жжении в горле. До тех пор, пока Кимберли не садится на край кровати, чтобы поддерживать мне голову и поднести кубок к губам. Уловив запах крови, мое тело каждой своей клеточкой жаждет первого глотка. Я судорожно выпиваю все до последней капли, не обращая внимания на то, как кузина незаметно подавляет рвотный позыв. Потом она храбро вытирает мне уголки рта. Жжение не исчезает, но становится слабее.

– Откуда эта кровь? – в панике интересуюсь у Намика. Если они убили человека, чтобы я...

– Исафил принес ее из банка крови в Каире. Первое время тебе необходима человеческая. Потом, возможно, будет хватать крови животных, – колебавшись, объясняет он.

– Исафил принес кровь? Зачем ему это делать?

– Его попросил Данте. – Голос джинна звучит странно. Очевидно, ему не нравится, что Данте теперь в долгу перед ангелом. – Прости, Тарис. Им нельзя было брать тебя с собой.

Если кто-нибудь еще раз за это извинится, я закричу. Единственные, кто виноват в случившемся, – это Сет и я сама, поскольку сильно себя переоценила и доверилась богу хаоса.

Кимми стискивает мою ладонь.

– Мы справимся. Я попрошу Саиду снять с тебя цепи. Это бесчеловечно.

Хоть чуть раньше я тоже об этом просила, теперь отрицательно качаю головой.

– Я больше не человек, Кимми, – напоминаю, ненадолго задумавшись, не продемонстрировать ли ей свои зубы. Испугавшись, кузина не рискнет ко мне приближаться. Нужно дожидаться подходящего момента, а потом сбежать отсюда. Она явно слишком беспечно относится к моему превращению.

– Как хочешь. – Кимми неодобрительно косится на мои оковы. – Я позвонила Гарольду и рассказала о произошедшем. Он рад, что ты жива, и неважно, в каком качестве. Мне с огромным трудом удалось отговорить его приезжать сюда, чтобы побыть рядом с тобой. Но готова поспорить, он уже упаковал свой арсенал и сложил в машину.

Я отворачиваюсь, чтобы кузина не увидела слезу, которая

стекает из уголка моего глаза и замерзает на коже. Вампиры умеют плакать, кто бы мог подумать! Почему меня до сих пор волнуют мои близкие? Почему все желания направлены не на следующую порцию крови? Я уже не человек, но и не настоящий вампир. Не чувствую себя чудовищем, лишенным души и эмоций.

Несмотря на мои старания, Кимберли замечает, что я плачу, и ласково гладит мою ладонь. Я отдергиваю руку.

– Ты слишком теплая, – шепчу я. – Больно. – Я никогда больше не увижусь с Гарольдом, Селкет и со всеми остальными родственниками. Мне вообще не стоило связываться с бессмертными. – Уезжай домой.

– Не поеду. Я найду Платона и выпытаю, как ему удалось выжить. Если он смог, то и ты сможешь. Полагаю, в его времена не существовало банков крови.

Я издаю невеселый смешок:

– Он древний. Кто знает, сколько людей он убил, едва обратившись. И вообще держись от него подальше.

– Я не брошу тебя в беде, Тари. К тому же ты меня не пугаешь. Мы пройдем через это вместе. – Никогда еще не слышала такой решительности в ее тоне. Нет, она не уйдет. Мне охватывают одновременно шок и облегчение. – Наверное, и вправду не надо снимать цепи, – криво ухмыляется она. – Так ты не сможешь вынудить меня уйти и оставить тебя.

Из-за двери доносится звук приближающихся шагов.

– Если она там, то я ей устрою! – ругается Гор.

– Не может же она постоянно торчать у твоей постели. Скорее всего, она спит. Кимми совершенно вымоталась. – Данте говорит так, словно успокаивает дикого зверя. – Ты ее совсем замучил.

– Поспать она могла и в моей кровати, – внезапно выдает бог. – В конце концов, это не в первый раз, мы ведь друзья.

– Мы тоже друзья, но я не сплю у тебя в кровати. Ради Атлантиды, этой девочке нужно хоть немного личного пространства.

На это Гор уже ничего не отвечает, но я слышу неодобрительное фырканье. Такое тихое, что его воспринимает лишь мой сверхчуткий слух.

– Не работать мне тут больше, – стонет Намик.

– Ты еще можешь вылететь в окно, – предлагает Кимберли. – Я тебя не выдам.

– Я сам отвечаю за свои ошибки и не оставлю моего принца одного с разъяренным богом, – качает он головой.

Управляющий дворцом не воин, отчего в этих словах чувствуется еще больше мужества. Впрочем, против Гора у него не будет ни единого шанса.

Дверь распахивается, и перед нами предстает Данте в обличье джинна. За его руку держится Гор с повязкой на глазах. Он бледен и дрожит.

– Кимми? – зовет Гор. – Ты тут, так ведь?

– Ты знал это еще до того, как вошел. Почему не спишь? Тебе нужен отдых. Хватит уже вести себя легкомысленно. –

Кузина напоминает сейчас учительницу младших классов, которая отчитывает непослушного мальчишку за глупость. Вот только в ее голосе при этом столько нежности, что вышеупомянутый мальчишка сразу повторил бы свой проступок, чтобы еще раз насладиться подобными упреками.

– Я не могу спать, у меня болят глаза. Отойди от Тарис. – Он отпускает руку Данте и, несмотря на свое увечье, целеустремленно шагает к ней. – Прости, принцесса, но, уверен, ты не хочешь ей навредить. Даже случайно.

Добравшись до Кимми, Гор обвивает ее руками. Та без возражений позволяет увести себя. Пусть он и гораздо крупнее, неожиданно начинает казаться, будто это кузина его поддерживает, а не бог ее защищает.

– Еще кто-нибудь заглянет? – язвительно интересуюсь я. – Можем устроить вечеринку инвалидов. Как ты себя чувствуешь, Данте? Пребывание в бутылке не сильно на тебе сказалось?

– Мне лучше, чем тебе, Гору или Азу. Просиди я в той бутылке дольше, было бы намного хуже, но Намик быстро меня выпустил. – Он улыбается управляющему королевы, и синие щеки Намика розовеют.

– Энола у Азраэля? – продолжаю задавать вопросы в попытке воссоздать что-то вроде нормальности, которой больше никогда не будет.

Я хоть выгляжу по-прежнему? В первую встречу Платон показался мне обыкновенным пожилым мужчиной. Чтобы

подтвердить принадлежность к вампирам, он продемонстрировал мне клыки и смену цвета глаз. Особенно кровожадным Платон при этом не выглядел. Правда, незадолго до того он мог покормиться. Слабеет ли жажда крови со временем? Саида что-то такое упоминала, но у меня нет возможности провести в этой кровати несколько сотен лет. Накатившее отчаяние причиняет больше боли, чем желание пить кровь.

– Аз в порядке. Пришлось разорвать вашу связь, чтобы он не умер, – произносит Гор, однако ворчливый тон лишь подчеркивает его беспокойство.

Какую связь?

– Энола с парой воинов-призраков в Иерусалиме, – вмешивается Данте, прежде чем я успеваю спросить. – Наблюдают за туннелем. Нам необходимо знать, что дальше планирует Сет. – Он подплывает ближе. – Аз скоро встанет на ноги. Не беспокойся о нем, и для тебя мы тоже найдем какой-нибудь выход.

Любопытно, что он подразумевает под выходом. И верит ли вообще в возможность обратного превращения?

– И какой же? Потрясую маленькую тюрьму в Арктике или что-то типа того?

Однако джинн не смеется.

– Не тюрьму, нет. Аз ни за что этого не допустит, принцесса.

– Не называй меня так! – огрызаюсь я.

Забудет ли меня Азраэль, если вернется в Атлантиду, где

его будет ждать Нейт? От одной мысли об этом ранее ледяные щеки начинают пылать. Неужели Исрафил прав?

– Не смей даже думать, принцесса, – резко бросает Гор. – Он никогда тебя не забудет.

Оказывается, не все изменилось. Бог продолжает без приглашения разгуливать по моему разуму. Я издаю негромкий рык, на что он лишь смеется. Но при этом так разворачивает Кимми в объятиях, чтобы я ее не видела. Впрочем, ее запах я все равно чувствую.

– Сначала мы все должны поправиться, – вклинивается Данте. – Дальше посмотрим. До тех пор моя мать постарается держать аристократов в узде. Пошло довольно много слухов о том, что случилось в пещере. Пока еще мы стараемся скрывать, что Сет заполучил кольцо.

– Мы вернем его и заставим Сета заплатить за то, как он с нами поступил, – шиплю я.

– Обязательно, – с такой же горячностью откликается Гор, сильнее сжимая Кимми. Данте между тем молчит. – Но для этой битвы нам нужно стать сильнее, чем сейчас. По доброй воле он кольцо не отдаст. И этих магинь тоже не стоит недооценивать. Змеи. У меня в голове не укладывается, что они живут в геенне. – В последнем слове звучит отвращение... и что-то еще, похоже, страх. – Я давно забыл об этом месте.

– Точнее, «игнорировал его существование», – замечает Данте. – Как и все мы. Там творилось неопишемое.

Пытаюсь отыскать в памяти все, что мне известно о месте

с таким названием, однако в голову приходит лишь то, что евреи считали его адом.

– Если это ад, то Сет именно там, где ему самое место. Сколько потребуется времени, чтобы твои глаза зажили?

– Неделя. Возможно, чуть дольше.

– Зависит от того, насколько он будет спокоен, – сообщает Кимберли. – Именно поэтому ему следует лежать в постели, а не бродить по дворцу.

– Ты так вкусно пахнешь, я боялся, что Тарис тебя укусит. А сразу отправлять сюда гвардию Саиды не хотел, – защищается бог. – Как только выздоровею, отправлю тебя в Лондон к Гарольду и Селкет... там ты и останешься.

– Можешь забыть об этом, – похлопывает его по груди кузина. – И максимум, чего ты боялся, – это лишиться медсестры.

– Я боялся за тебя. В таком случае я лучше доставлю тебя сразу в Хайклер и расскажу твоей матери, что произошло, – не сдается он. – Спорим, с целью образумить она запрет тебя в подвале? Ты должна находиться в безопасном месте. И пока еще можешь выбрать его сама.

Неодобрительно качая головой, Кимми высвобождается из его объятий и возвращается к моей кровати.

– Я именно там, где и должна быть.

Она берет меня за руку, и мне едва удастся подавить рык. Теперь я не переносу человеческое тепло, хотя кузина и вполнину не такая горячая, как джинн. Никто больше не

сможет ко мне прикасаться. Я зверь в теле молодой девушки. Резко отдергиваю руку:

– Он прав, Кимми. Мне вообще не следовало впутывать тебя в это дело.

Я вела себя слишком беспечно, и теперь Кимми придется разгребать последствия.

– Ты меня не втягивала, – напоминает она тоном, поразительно похожим на тон Гора пару мгновений назад. – Это было мое решение. Я рада, что приняла его и сейчас нахожусь здесь.

Сдаюсь. Во всяком случае, на данный момент.

– Попробуй немного поспать, – советует Данте. – Завтра утром принесу тебе свежей крови.

От одного этого слова меня вновь охватывает жажда. Нужно силой воли держать ее под контролем. Нельзя поддаваться желанию. Интересно, получила ли я какие-то способности после обращения? Существуют мифы о вампирах с крыльями. Не будь это так ужасно, я бы пришла в восторг от идеи полетать вместе с Азраэлем.

– Не вешай голову, Тарис, – говорит на прощание Гор. – Если тебя это утешит, держу пари, в поединке ты победишь и меня, и Аза. Теперь можешь не терпеть его выходки.

Кимми пихает его в бок. Гор вздрагивает и уводит ее из комнаты.

– Он еле стоит на ногах, – качает головой Данте. – Однако мне не удалось отговорить его отправиться на поиски Ким-

ми.

– Потому что он ее любит, – бормочу, чувствуя, как тяжелеют веки. – Просто еще об этом не знает или, скорее, знает, но до чертиков боится себе в этом признаться.

Пролетев по комнате, Данте тушит ненужные огни, поскольку я в темноте вижу не хуже, чем при свете дня.

– Повезло, что байка из «Сумерек» о том, что вампиры не спят, – полная чушь.

Несмотря на обуревающие душу злость и отчаяние, мне не удастся сдержать смешок.

– Ты смотрел «Сумерки».

– Раз сто, не меньше, – не отрицает джинн. – Признай, Джейкоб весьма горяч.

– Я всегда была в команде Эдварда, – шепчу я. – И если задуматься, то где-то даже рада, что меня превратили не в оборотня.

– Я тоже, – соглашается Данте. – Маму бы раздражала шерсть повсюду. Тут даже котяткам запрещается бегать.

Мне слышно, как тихо посмеивается Намик, затем хлопает дверь, и я остаюсь одна. Цепи звенят, когда я за них тяну. Таращусь в темноту, боясь заснуть и снова увидеть тот сон. Стоит прикрыть глаза, и перед внутренним взором вновь возникают картины случившегося. Я вижу разодранные крылья Азраэля. Слышу треск собственных костей. Крики Гора.

Если даже во сне мне нет покоя, то где еще его искать?

Азраэль

Когда я вхожу в комнату, Нефертари сидит в постели. На ней белая льняная туника и светлые штаны. По цвету одежда почти не отличается от ее кожи, хотя последняя, наверное, немного белее. Одеяло аккуратно сложено в изножье кровати. Оно ей больше не нужно. Тело Нефертари буквально ледяное, и жара во дворце, скорее всего, для нее настоящий ад. Перед потерей сознания я не мог даже держать ее за руку. Пара капель крови осталась на воротничке не до конца застегнутой кофточки, под которой видно гладкую бледную кожу. Она сидит неподвижно, словно мраморная статуя. Не дышит и не моргает. Не знаю, заметила ли она меня вообще. Нефертари осталась самой собой и все же кардинально изменилась. Закрываю дверь и прислоняюсь к ней, боясь, как бы не подогнулись колени. И дело вовсе не в слабости тела, а в давящем грузе вины. Сколько бы лет я ни прожил, случившегося с ней мне не исправить. Остается лишь за нее бороться. Пока ее способна защитить Саида, но кто знает, надолго ли той хватит. Бессмертные всегда испытывали слишком сильный страх перед демонами. Однако Нефертари не безликий демон, а женщина, которую я люблю. О чем она не знает, судя по все-таки обращенному на меня подозрительному взгляду. И это тоже моя вина. Я никогда ей об этом не говорил, а сейчас неподходящий момент. Нефертари ни-

чем не поможет то, что я рухну на колени возле ее постели и буду молить о прощении. Она напряжена, словно натянутая тетива. Доказывать силу даже в подобной ситуации – это так в стиле Нефертари. И хоть ее тело теперь практически неуязвимо, но меня не обмануть. Она в панике. Испытываю непреодолимое желание обнять ее и пообещать, что все будет хорошо. Однако даже этого не могу сделать.

Убедившись, что твердо стою на ногах, я осторожно направляюсь к Нефертари. Приближаюсь с другой стороны, чтобы случайный порыв ветра не донес до нее аромат моей крови. Изящные руки сложены на коленях, и при виде цепей во мне закипает гнев. Саида осмелилась сделать это лишь во время моего отсутствия, а ведь с тех пор, как стража утатила меня отсюда, прошло пять дней. Всю силу, которую не отнял у меня яд, я истратил на то, чтобы провести Нефертари через трансформацию. Хотел избавить ее от страшных мук. Боли и ужаса. Не верю, что у меня получилось. За наигранной непоколебимостью я вижу страх и уязвимость. Она выжила. Многим это не удастся. Процесс слишком болезненный. Нередко ходили слухи о несчастных, которые при этом умирали. Для нас это всегда означало, что надо преследовать на одно существо меньше. Сейчас же я испытал, каково это, когда теплое тело умирает и сразу же пробуждается вновь. Это не описать словами. В конечном итоге у меня почти не осталось сил, чтобы исцелиться. Не разорви Саида связь, я был бы уже мертв. Вместе с тем я зол на королеву. Неферта-

ри подумает, будто я бросил ее одну, хотя обещал не делать этого. Мириам, местная целительница, кое-как меня подлечила, но я до сих пор слаб, как новорожденный. Сгораю от желания приказать снять с Нефертари цепи, пускай это и не изменит того, кем она отныне является.

Я медленно шагаю к ней, и так же медленно она поворачивает голову. Нефертари осталась самой собой. Может, волосы чуть сильнее блестят, а кожа стала светлее и прозрачнее. Вампириши обладают неземной красотой, благодаря которой им легче соблазнять жертв. Впрочем, для меня Нефертари всегда была прекрасна. Единственная значительная перемена – это глаза. Серебро в них приобрело металлический отлив и розоватое сияние. По всей видимости, она недавно пила. Пока мы обеспечиваем кровью, ей не придется охотиться.

– Не подходи ближе, – просит она.

Несмотря на потребность обнять ее, я застываю. На лице Нефертари читается страх. Она боится навредить мне. Аккуратно делаю еще пару шагов к кровати, сажусь на краешек и тянусь к ее ладони. Касаюсь лишь на мгновение, прежде чем Нефертари убирает пальцы. Она еще холоднее, чем пять дней назад, и этот холод обжигает мне кожу, словно горящие угли.

Ее глаза темнеют, а красноватое сияние усиливается. В Нефертари снова проснулась жажда. С губ срывается негромкое шипение, и она скрещивает руки на груди.

– Извини, но ты чересчур заманчиво пахнешь. До безумия

хочу тебя укусить.

Волосы у меня на затылке инстинктивно встают дыбом, разум подсказывает увеличить дистанцию между нами, однако я не отодвигаюсь, а лишь улыбаюсь. Очевидно, попытка избавить Нефертари от моего запаха провалилась.

– Возможно, когда-нибудь я даже разрешу тебе это сделать.

В ответ раздается разочарованное фырканье:

– С трудом верится. Тебе лучше уйти.

А вот и попытка держать меня на расстоянии. Как и в бытность свою человеком, Нефертари старается не демонстрировать собственную слабость. Не психует и не превращается в кровожадное чудовище, хотя всякое могло случиться. Не понимаю, откуда в ней эта сила. Вместо того чтобы исполнить просьбу, я придвигаюсь ближе и прижимаю девушку к груди. Она напрягается. При желании ей ничего бы не стоило оттолкнуть меня так, чтобы я отлетел в противоположную стену. Однако Нефертари этого не делает. Впрочем, дыхание задерживает. Ее тело такое же ледяное, как и ладонь. Я не чувствую биения сердца. От нее пахнет не так, как раньше, однако для меня это не играет никакой роли.

– Я не брошу тебя с этим одну.

На миг Нефертари расслабляется, и я крепче обнимаю ее.

– Аз, отпусти меня, – умоляет она. – Ты слишком горячий, и твоя кровь...

В прошлом я бы посмеялся над подобной фразой и немно-

го подразнил девушку. Теперь же нехотя исполняю просьбу, поскольку в ее голосе слышится настоящее отчаяние и потому что мне самому больно. Хотя я потерпел бы, поскольку заслужил эту боль. В серебряных радужках светится теплый пурпурный оттенок, и она судорожно сглатывает.

– Прости, не собирался вводить тебя в искушение, – спокойно произношу я, понятия не имея, что успели ей рассказать остальные. – Спротивляйся желанию напасть. Пока не поддашься жажде крови и не начнешь из-за нее убивать, по-прежнему останешься собой.

Во всяком случае, я на это надеюсь. Жаль, я не узнал больше о демонах, которых преследовал, чтобы защитить невинных. Мы привели их в этот мир, и нашей первостепенной задачей было позаботиться о том, чтобы из-за них не пострадали люди. Иногда получалось хорошо, иногда плохо.

Нефертари кивает и неуверенно втягивает в себя воздух, стараясь при этом не вдыхать мой запах.

– И как часто вампирам удавалось окончательно побороть жажду?

Лгать ей я не буду.

– Мне не известно ни об одном, но я и охотился на худших из худших.

– Примерно так я и думала, – помрачнев, отзывается она.

– Мы найдем выход. – Стараюсь избавиться от воспоминаний об образах в пещере, не сомневаясь, что теперь этот ужас навсегда станет частью нас обоих. Кое-что невозможно за-

быть даже за бесконечную жизнь. Впрочем, прошлое больше не имеет значения. Сейчас важно только будущее. Должен существовать способ, как Нефертари научиться жить без цепей и не боясь кому-то навредить. Не опасаясь, что ее убьет кто-то из бессмертных. – Если кто-то и может с этим справиться, то ты.

– Дело не в том, чтобы справиться, Азраэль. Вопрос в том, хочу ли я этого. Хочу ли я такой жизни.

Нефертари не прячет от меня глаз, и в этом чувствуются твердость и отстраненность, какой прежде я не встречал. У меня сводит желудок. Она не должна сдаваться. Ей нужно бороться.

– Мы не можем позволить Сету победить. – Дурацкий аргумент, но я хочу пробудить в ней боевой дух и вывести Нефертари из летаргии. Если сдастся, она потеряет все. А я этого не допущу, даже если мне придется заставлять ее сражаться за саму себя.

Легкий ветерок шевелит занавески, принося с собой ароматы живых существ и крови. Нефертари плотно сжимает губы. Удивляюсь, насколько хорошо она держит себя в руках. Поразительная и необычная. Впрочем, два этих качества идеально описывают эту девушку, причем не только сейчас.

– Уходи, – уже настойчивее просит она. – У меня недолго получается это выносить. Пожалуйста.

Под *этим* Нефертари подразумевает кого-то с бьющимся

сердцем и бегущей по венам кровью.

– Мы найдем выход, – упорно повторяю я.

– И какой же? – Ее голос звучит глухо. – Исида и Исрафил не верят, что обратная трансформация сработает. Сет попросту соврал. А ты как думаешь?

Поднявшись, я отодвигаюсь подальше, чтобы ей стало легче.

– Он всегда настаивал на том, что регалии способны снять проклятие, но...

Едва тлеющий огонек надежды в ее глазах гаснет, прежде чем я успеваю договорить.

– Не хочу слышать твое «но». Уходи. Просто уходи! – шипит Нефертари, наконец потеряв самообладание. Пусть это меня и пугает, но такая реакция все-таки более характерна для новообращенной, чем стоическое спокойствие.

Я встаю.

– Тебе нужна свежая кровь. – Ее радужки по краям окрашиваются в темно-алый цвет. Такое впечатление, будто художник капнул на них краской. Кожа теряет сияние и блекнет. – Скоро вернусь.

Сама по себе трансформация – это не худшее, что с ней случилось. Самое сложное ждет впереди. Однако я все равно не собираюсь вселять в Нефертари напрасных надежд. Просто мне неизвестно, во что на самом деле верил Сет, а что утверждал просто ради того, чтобы обмануть нас.

– Можешь не возвращаться. – Нефертари отворачивает

голову в сторону, и ее голос ломается. – Я больше не желаю тебя видеть.

В коридоре я ненадолго прислоняюсь к стене и глубоко вздыхаю. Эти пять дней, пока исцелялись мои крылья и тело, я плавал в море тумана и боли. Собственно, я очнулся всего час назад. При мысли о страхе, который она, по-видимому, пережила без меня за эти дни, у меня подкашиваются колени. Я бросил Нефертари одну, а они заковали ее в цепи, словно животное. Цепляюсь за выработанный за тысячелетия самоконтроль, однако он ломается, как тростник во время бури, и мне с трудом удастся сдержать дрожь в теле. Нефертари этого не заслуживает. Никто не заслуживает, но она – меньше всех. Пусть рычит на меня сколько угодно. Я не позволю ей меня оттолкнуть, даже если девушке потребуются сотни лет, чтобы снова мне довериться. Она нуждается во мне, и я буду рядом. Неужели стоило позволить ей умереть? Разве так было бы лучше? Тут же отрицательно отвечаю на свой вопрос. Это вообще не вариант, и не потому, что ей надо найти корону, а потому, что Нефертари всегда искрилась жизнью. Ее время еще не истекло.

Оттолкнувшись от стены, иду вперед. Когда я переступаю порог лазарета, где за мной ухаживали на протяжении последних дней, внучка Мириам, Вида, как раз меняет постельное белье.

– Недолго ты у нее пробыл. Она не хочет тебя видеть? –

В ее глазах светится сочувствие.

– Могли бы и сказать, что она прикована.

Широким шагом я направляюсь к шкафу, где в прохладе хранятся лекарства.

– Эй! – восклицает Вида. – Тебе там нечего искать!

– Мне нужна кровь, – требую я. – Немедленно! А вы держите ее здесь.

Внезапно рядом со мной возникает Мириам и захлопывает шкаф, прежде чем я успеваю достать пакет. У меня вырывается тихий рык. Лучше ей со мной не связываться. Не сейчас.

– Успокойся, мальчик, – невозмутимо заявляет старая женщина. Хотя я и член совета аристоев, она меня не боится. Единственной реакцией и свидетельством ее раздражения становится лишь сильнее посиневшая кожа. – Да, ты беспокоишься о малышке, но, накачав кровью, не поможешь ей, – подбоченившись, говорит Мириам.

– Ей нужна кровь, – упрямлюсь я.

– Да, но в маленьких дозах. Слишком большое количество может пересилить в ней стремление оставаться человеческой. Это как с наркоманами, они тоже постоянно желают большего.

– Не называй Нефертари наркоманкой, – гневно шиплю я. Мириам лишь выгибает бровь, напрочь игнорируя мою злость.

– Думаю, тебе лучше вернуться в постель. Ты все еще

нездоров и мучаешься от боли. Позволь мне делать свою работу.

Она с ума сошла?

– Я возвращаюсь к ней. С кровью или без.

Вида, которая все это время молчала, подходит к нам:

– Я приготовлю чай для Тарис и для тебя тоже.

– Чай, – хмыкаю я. – Чем может помочь чай?

– Он понадобится вам обоим. – У нее такой же взгляд, как у бабушки, которая между тем гордо улыбается.

– Ему добавь немного валерианы, – велит целительница. – Загляни сюда снова через три часа, и получишь кровь. Но не раньше.

Стиснув зубы, я киваю и жду, когда вернется Вида с чаем.

– В том, который для Нефертари, особые травы, чтобы держать ее потребность в узде. Мы еще экспериментируем, поэтому тут очень много сахара, – признается она. – В твоём – нет.

Я натянуто улыбаюсь:

– Извини. Не хотел на тебя срываться.

– Да все в порядке. Ты не самый легкий пациент, так что это почти даже мило.

Теперь моя улыбка становится более искренней.

– Спасибо за все.

– Без проблем. Иди к Тарис. Нам слишком мало известно о том, через что она проходит. Хотелось бы мне сделать для нее больше.

Мне бы тоже хотелось.

Когда я возвращаюсь, Нефертари либо спит, либо притворяется. На сто процентов я не уверен, поскольку она лежит абсолютно неподвижно. Так, как умеют только вампиры. Поставив чай на тумбочку, я придвигаю себе стул. Будь она человеком, я бы лег в кровать, но не хочу своим теплом усложнять жизнь Нефертари. Поэтому ограничиваюсь тем, что глажу ее по волосам. Она не шевелится. Спустя три часа я все же вытягиваюсь рядом, стараясь не задеть ее, поскольку у меня начинают болеть крылья. Сделать их невидимыми сил уже не остается. Глядя на лицо Нефертари, я не раскаиваюсь в том, что не отпустил ее. В кошмарах последних дней я снова и снова слышал щелчок. Ясно видел, как Сет бережно опускает ее безжизненное тело на вязкий пол пещеры передо мной. Мне приходится запрещать себе дотрагиваться до Нефертари, дабы убедиться, что она здесь. Эта девушка держит мое сердце в своих холодных сильных руках. По сравнению с тем, что я испытываю к ней, любовь к Нейт выглядит бесцветным пятном. От угрызений совести за такую мысль у меня сжимается горло. Я недостоин ни одной из этих женщин, но для Нефертари хотя бы могу что-то сделать. Ей просто нужно мне это позволить.

Открывается дверь, и входит Данте со стаканом в руке. Нефертари мгновенно распахивает глаза и моргает, обнаружив мое присутствие. У нее дергаются губы, как будто она

собиралась улыбнуться. Несмотря на красные радужки, на мгновение она вновь становится той девушкой, которой была. А потом либо вспоминает о нашем споре, либо чувствует кровь и грациозно садится.

– Я подумал, что занесу тебе это, пока ты его не укусила.

Подплыв к постели, Данте одаривает меня укоризненным взглядом. Даже в форме джинна принц одет аккуратно и изысканно.

– Он пообещал когда-нибудь разрешить мне это сделать.

Нефертари так жадно хватает стаканчик, что кровь капает на белую простыню. В глазах Данте светится предостережение, однако отвечает он подчеркнуто спокойно:

– Не хочу знать в подробностях, чем вы тут занимаетесь.

Выпив, Нефертари возвращает ему стаканчик.

– А мне казалось, вы все друг другу рассказываете. Где Кимми?

Волоски у меня на затылке встают дыбом. Какую игру она затеяла? Для сложившейся ситуации она чересчур уравновешенна и чересчур разумна. Это уже не объяснишь обычной силой воли. Нефертари что-то замышляет, и мне наверняка не понравятся ее планы.

– Гор отправился с ней на прогулку. Хочет уговорить ее вернуться в Лондон, но она отказывается.

– Значит, пусть заставит, – с непривычной жестокостью в голосе требует Нефертари. – Если он этого не сделает, однажды с ней тоже произойдет то, чего нельзя будет исправить.

Как уже произошло с ней. Я благодарен за каждый всплеск эмоций, хоть это и гнев. В попытке утешить кладу ладонь ей на плечо, но ту резко сбрасывают.

– Не трогай меня! – злобно шипит Нефертари, и на фасаде равнодушия образуется еще одна трещина.

– Моя мать хотела поговорить с тобой, – сообщает мне Данте.

– Это подождет.

Я не уйду, пока Нефертари в таком отчаянии. За яростью она прячет истинные чувства. Ей страшно. После ухода Атлантиды под воду со мной творилось то же самое. Только вот Гора и Данте прогнать мне так и не удалось, они доставали меня много веков подряд. Если придется, буду действовать с ней точно так же. Она меня возненавидит, но я переживу.

– Можешь идти, – говорит Нефертари. – Мне нужно побыть одной. Пожалуйста.

– Это не займет много времени, – обещает Данте. – Он скоро вернется обратно.

На ее лице появляется отрешенное выражение, словно девушке без разницы, здесь я или где-то еще.

– Я принес чай, – указываю на чашку. – Он уже остыл, но все равно сладкий и с травами, которые приглушат твою жажду.

– Спасибо, – произносит она без особого энтузиазма, скорее с отвращением. Если этот чай хотя бы наполовину так же отвратителен на вкус, как мой, то ее не в чем винить.

– Можешь потом принести бокал красного вина, – предлагает Данте, улыбаясь Нефертари. – Тебе понравится.

– Как скажешь.

Даже у меня возникает вопрос, как ему в голову пришла подобная идея. Хотя возможно все. Нам ничего не известно о ее виде. При виде того, как отчаянно Нефертари старается не показывать свою панику и сдерживать гнев, у меня разбивается сердце. Не иметь возможности помочь хуже, чем сражаться за нее с армией демонов. На возвращение Атлантиды я мог надеяться всегда, какими бы низкими ни оставались шансы. Для Нефертари же эта судьба, вероятнее всего, окончательная. Но имею ли я право совсем лишать ее надежды? Мог ли Сет не солгать хотя бы в этом? Ответ до смешного прост: я понятия не имею.

– Пойдем, – зовет Данте. – Это правда важно.

Я возмущенно качаю головой. Что может быть важнее Нефертари? И тем не менее следую за ним.

Саида ждет меня в библиотеке.

– Как она себя чувствует? – напряженно интересуется королева.

– А как она должна себя чувствовать? – цежу я сквозь зубы.

По-хорошему, мне бы благодарить Саиду за то, что приютила Нефертари. Больше та никуда не смогла бы пойти. Впрочем, теперь дворец стал для нее тюрьмой. Долго девуш-

ка так не продержится. Невзирая на все обязательства перед Малакаем, она всегда была свободной. Это мы у нее тоже украли. Чудо, что она в принципе со мной разговаривает.

Саида понимающе кивает, и это раздражает меня еще сильнее. Делаю глубокий вдох в стремлении обуздать злость. Заходят Гор и Кимми. Глаза бога до сих пор перевязаны, и девушка держит его за руку. Он бы прекрасно справился и сам, но уже подсел на ее заботу. Подведя к креслу, кузина Нефертари усаживает его и, словно дряхлому старику, накрывает ноги пледом. У меня вырывается негромкий стон, а Гор ухмыляется. Как всегда, он переигрывает. Однажды ему это аукнется.

«Ей это нужно, – поясняет он у меня в мыслях. – А я ни в чем не могу ей отказать».

«Надеюсь, ты вспомнишь об этом после того, как поправишься, и не побежишь за первой же юбкой».

«Ты всегда думаешь обо мне только самое плохое».

– У нас нет времени на ваши детские перебранки, – резко бросает Саида, которая пусть и не слышит нас, но читает все по нашим лицам. Иногда я забываю, какими способностями обладает королева. Они связаны не столько с ипостасью джинна, сколько с опытом и стремлением защитить свой народ.

Я слегка склоняю голову, а недоуменный взгляд Кимми мечется между мной и Гором.

– Что такого важного?

С напряженным выражением лица Саида кладет руки на стол, за которым стоит, слегка наклоняется вперед и смотрит на каждого из нас, прежде чем заговорить.

– Сет рассказывал вам о своих подозрениях.

Меня удивляет, что ей уже об этом известно.

– Откуда ты знаешь?

Гор прочищает горло.

– Я хоть был ранен и не мог драться, но уши он мне не отрубил.

– Перескажи мне точно его слова, – просит королева.

Руки сами по себе сжимаются в кулаки. Из-за ярости и боли, а еще потому что все мои мысли зациклены на Нефертари, я почти забыл об этом. Однако вновь и вновь прокручивая в голове события в пещере, чтобы разобраться, что мог сделать по-другому, я каждый раз вспоминал его слова. Смотрел на наше прошлое со всех точек зрения. Отбросил злость и взглянул на голые факты. Заставил себя без прикрас посмотреть на себя, Сета и аристов. Может, мое тело и не стареет, зато разум стал гораздо опытнее, чем во время войн до и после затопления. Боюсь, всеми нами тогда манипулировали. Я не замечал столько всего. Что-то мы принимали за правду, хотя оно было паутиной лжи. Не знаю, готов ли я поверить в версию событий Сета, ведь если она правдива, это означает войну. Вполне вероятно, именно эту цель и преследует чертов манипулятор. Чтобы мы перемололи друг друга, очистив путь ему. Возможно, он даже в курсе, где находится

корона. Или нет.

– Сет обвинял в краже регалий Осириса и утверждал, будто Аль-Джанн научился проклятию от него. – Прежде чем озвучить, я тщательно обдумываю каждое слово. Слишком многое поставлено на кон. После затопления и потери Нейт мной руководили исключительно эмоции. На этот раз я буду умнее.

– Это единственная не новая информация. Сет всегда видел в похищении моего отца, а тот – Сета, – язвительно комментирует Гор.

– Верно, а мы тут же приняли обвинения Осириса за чистую монету.

И при этом я знал Сета как облупленного. Он был моим лучшим другом, и тем не менее, когда бог потребовал регалии, чтобы обратить заклятие, я мгновенно поверил, будто он просто рвется к власти.

В голове вспышкой проносится воспоминание. Я снова лежу в палатке Аль-Джанна в пустыне, и ко мне тянется проклятие. Без помощи Сета я бы превратился в демона.

– Зачем Осирису красть регалии? Какая у него причина для настолько страшной магии? – спрашивает Данте. – Он был главным среди аристов.

– Власть, – отвечаю я. – Сет полагает, что Осирис собирался установить абсолютную власть над людьми и этим миром. Он не желал делить ее ни с джиннами, ни с ангелами, а если бы его план удался, то, скорее всего, объявил бы войну

и другим богам.

Саида задумчиво наклоняет голову набок.

– Если так, то у него не получилось бы устроить все в одиночку. Кто, по мнению Сета, помогал Осирису?

Она давно это знает, но хочет услышать из моих уст. Прошло совсем немного времени с тех пор, как мы в последний раз обсуждали исчезновение ковчега. Уже тогда королева не верила в виновность Сета. Поэтому и сейчас не особо удивлена. Почему Сет не доверился нам во время того разговора? Это был бы идеальный момент, чтобы попросить о помощи. О чем к тому времени догадывалась Саида? Королева джиннов – дальновидный политик и стратег. Она никогда никому не позволяет по-настоящему подсмотреть свои карты, но лучшей союзницы он бы не нашел.

– Сет заявил, что Исфафил и Исида состояли в сговоре с Осирисом, – говорю я. – А еще Рамзес и Моисей. Ты тоже их подозревала? – задаю прямой вопрос, устав, что меня пичкают полуправдами.

От ответа Саиду спасает открывшаяся дверь, и в библиотеку проскальзывают Намик и Энола. С серьезными лицами они идут по длинному проходу. Намик останавливается рядом с Данте, а Энола подходит ко мне.

– Исфафил и Исида заняты, – докладывает пери. – С ними Михаил. Эти двое нас не побеспокоят.

– Благодарю, – произносит королева, которая специально это устроила, и поворачивается ко мне. – Рассказывай даль-

ше. С точки зрения Сета, какие причины побудили Исфафила принять участие в похищении? Это серьезные обвинения. Исфафил – высший ангел. – Ее голос звучит глухо, ведь в этом-то и проблема: если Исфафил и Осирис действительно сообщники и это раскроется... о последствиях я не хочу даже думать. Нам удалось сделать так, чтобы в этом мире расы бессмертных больше не сражались друг с другом. Все изменится, если снова начнется противостояние. Пострадают люди. Так было всегда. – Ничто из обсуждаемого здесь не должно покинуть пределы этого зала. – Саида пристально смотрит на каждого из нас, после чего приглашающе кивает мне. Поздновато для последнего комментария.

– Помните, насколько близкие отношения связывали Исфафила и Рамзеса? – Наступает сложная часть, поскольку я не желаю задеть Данте, впрочем, выражение его лица не меняется. – По словам Сета, Исфафил присоединился к заговору Осириса в тот момент, когда бог пообещал ему сделать Рамзеса бессмертным. Рамзес отказался от такого дара. Но фараон был им нужен. Чтобы вынудить его помогать, Осирис наслал на Египет казни. – Меня терзает вопрос: возненавидел ли Рамзес за это Исфафила? Казни имели чудовищные последствия для его царства. Осирис свалил всю вину на Сета, ведь тот, в конце концов, бог хаоса. – А Моисей...

– Осирис пообещал его народу собственную страну, – шокированно заканчивает предложение Кимми.

Я лишь киваю. Эта история несет в себе ужасающий

смысл, который отражается на нас до сих пор.

– Но почему план провалился? – Саида складывает руки. – Регалии пропали. Осирис больше не способен покидать Дуат. Рамзес мертв, а народ Моисея по сей день воюет за эти земли. Только Исфафил и Исида легко отделались. Как это объясняет Сет?

– Он считает, будто артефакты сами наказали Осириса за жажду власти. Как ты и сама успела предположить, – напоминаю я. – Осирис заставил Красное море расступиться, а Исфафил сопровождал Моисея во время исхода, но потом Моисей затерялся с ковчегом в пустыне. У Осириса были связаны руки... и, по-моему, Исфафил перестал его поддерживать. Рамзес не сказал ему ни единого слова после смерти своего первенца, а затем и сам фараон умер. Он не собирался принимать столь сомнительный подарок. Исфафилу стоило больше считаться с желаниями Рамзеса.

Однако он, как обычно, думал только о себе и собственных нуждах. Я не совершу такую же ошибку с Нефертари.

– А никто из вас не спросил себя, как Сет распутал такой сложный заговор? – подает голос Гор. – Все это время он провел у Ра, а теперь пытается стравить нас друг с другом.

– Я тоже задавался этим вопросом. – Глядя в полные ожидания лица, я надеюсь, что не ошибаюсь. В этом отношении мне больше нельзя допускать промахи. Ни одного. – Тот навещал Сета в ссылке, а Тот был единственным другом Соломона.

– Думаешь, он тоже втянут в заговор? Не может быть, – произносит Намик. – Он мудрейший из богов. Его не интересует власть, только знания. – В словах управляющего слышится благоговение.

«Да тут кто-то втюрился», – язвит Гор у меня в сознании.

«Захлопни пасть».

Обидевшись, он замолкает.

– Нет, мне так не кажется. Я предполагаю, что со временем Тот догадался обо всем. Вероятно, по какому-нибудь неосторожному замечанию Осириса или Исиды. Он приходил к Сету в изгнании. Он передал Осирису ремень Соломона, а вместе с ним и первую зацепку. И он же привел душу Малакая в пещеру, чтобы брат попросил Нефертари остаться. Он стоит в стороне и дергает за ниточки.

– Но Осирис был главным богом Эннеады. Его голос имел наибольший вес в совете аристов, – шокированно откликается Намик. – Зачем ему так поступать?

Управляющий дворцом еще не пришел, когда я назвал причину. Причину, которая стара как мир.

– Ему этого стало мало. Отец стремился к еще большей власти, – отвечает вместо меня Гор, и в его тоне сквозит отвращение. – Так он и Аль-Джанна заставил проклясть бесчисленное множество джиннов и ангелов, обратив их в демонов. За это он посулил ему господство над джинами.

Я перевожу взгляд на Саиду. Ей всегда приходилось да-

вать отпор влиятельным мужчинам из собственного окружения, однако она явно потрясена тем, что Аль-Джанн, один из королей, воспользовался подобным средством.

– Я бы отдала ему свою корону, если бы знала, на что он пойдет.

– Став королем, Аль-Джанн угнетал и эксплуатировал бы твой народ, – мягко возражаю я. – Истребил бы людей. Ты лучшая королева, которая когда-либо правила джиннами. Это не ты совершила ошибку.

Саида криво улыбается. Очевидно, на нее еще что-то давит, но, несмотря на это, она молчит.

– В убийстве демона нет ничего предосудительного. Ничего, за что тебя накажут. Мой отец не желал делиться властью в этом мире, как приходилось делать в Атлантиде. Это в его стиле, – очень медленно произносит Гор. Его ладонь слишком сильно сжимает кисть Кимми, но та даже глазом не моргает.

– Во всем этом есть смысл, – киваю я. – Вопрос лишь в том, верим ли мы в него. Или верим доказательствам.

– Ты ведь уже веришь! – напускается на меня Гор. – И не надо отрицать. Слишком хорошо все складывается.

Верю ли я и имеет ли это значение? Это не оправдывает поступки Сета. Кроме того, мне необходимо позаботиться о Нефертари. Помочь ей выжить в абсолютно чуждом для нее мире. Простит ли она меня так же, как простила после смерти Малака? У Нефертари должен быть шанс жить дальше,

пусть ее жизнь и будет кардинально отличаться от той, о которой она мечтала.

Энола до сих пор не высказывалась, но теперь я замечаю, как она побледнела.

– Интересно, почему Сет не поговорил ни с одним из вас?

Странно, что об этом спрашивает именно она, та, которая всегда держалась от него на максимально возможном расстоянии.

– Потому что не доверял нам. Потому что не думал, будто мы примем его версию событий. Все-таки в прошлом мы этого не сделали, – медленно отвечаю я.

На ее светлой коже вспыхивают синие молнии.

– Если его история правдива, то мы позволили манипулировать собой, словно кучка идиотов. – Мне больно выносить ужас и сожаление в ее широко распахнутых глазах. – Если все так, то мои братья были правы, а я – нет.

Энола приняла нашу сторону, и ей приходилось сражаться против собственных братьев, которые присоединились к Сету в надежде, что тот обратит вспять наложенное на их отца проклятие.

– Прошлое не изменишь, – вмешивается Кимми. – Мы способны повлиять только на то, что происходит сейчас, и тем самым немного на будущее. Корить себя за совершенные ошибки можно и позже. Нам нужно выяснить, какие планы сейчас воплощает в жизнь Сет. – В эту минуту она так похожа на Нефертари, что это вызывает у меня улыбку. – Или

Осирис, Исида и Исрафил, – добавляет девушка. – Из Дуата Осирис мало на что сумеет повлиять. У Сета есть Кольцо огня, а у нас – Скипетр света. То есть ничья. Если ему удастся опередить нас и найти Корону пепла, чем это грозит человечеству? Нас уничтожат? Сет намерен развязать войну? Очевидно, он очень зол. Я бы точно злилась. И наверняка Сет чувствовал себя ужасно одиноким. – Гор нашаривает ее руку, которую Кимберли в пылу отпустила, и успокаивающе ее сжимает, пока та невозмутимо продолжает: – Ра его пытал на протяжении тысячелетий, а теперь Тари вынуждена за это расплачиваться. Это нечестно. Никогда его за это не прощу. – От гнева у нее покраснелись щеки, а кудрявые волосы выбились из прически. Кимми выглядит как богиня возмездия. Которая, впрочем, никому бы не причинила вреда. И все же она права абсолютно во всем.

При мысли о том, что пришлось вытерпеть Сету, у меня в желудке все переворачивается. Я и пальцем не пошевелил, чтобы ему помочь. Несмотря на наше сближение в последние несколько недель, у него не было причин нам доверять. Сломав шею Нефертари, Сет в то же время четко дал понять: он на одной стороне, а мы – на другой. Вопрос в том, должно ли все так и продолжаться. Одно то, что я рассуждаю о мотивах ее убийцы, выглядит предательством по отношению к Нефертари.

– Не надо сразу впадать в панику. С людьми ничего не случится. – Гор в своей неподражаемой манере пробует успоко-

ить Кимми. – Теперь, когда мы поняли, в чем дело, все будет проще простого. Я не позволю этому ублюдку победить.

Она награждает Гора осуждающим взглядом, которого тот, конечно, не видит.

– Не все в жизни завязано на победах. Вообще-то в твоём возрасте тебе следовало бы это знать.

– Говорит девушка, которая ненавидит проигрывать в шахматы, – бормочет он, но Кимми не обращает на это внимания.

– Он сотворил с Тари нечто ужасное, но... – она делает глубокий вдох, – но он не только лгал. Думаю, Сет искренне стремился стать вашим другом. Кто-то должен с ним поговорить. Выдвинуть ему предложение. Вам надо пойти к нему. Сейчас сформировано три противника: Сет, Осирис и мы. Если так продолжится, в конце не останется победителей. Мы обязаны выяснить, как Сет планирует поступить дальше, и предложить ему мир.

– Святая простота! – раздраженно стонет Гор. – Дорогая моя, Сет не согласится. Ему нужна месть, а не болтовня. Ты не знаешь его так хорошо, как мы. Он дважды вырывал мне глаза... ну или приказывал вырвать. Он виноват в том, что от крыльев Азраэля остались одни ошметки. Может, его обвинения небеспочвенны. Даже вполне вероятно. Однако он определенно не собирается сидеть с нами у костра и петь песенки. Сет нас ненавидит и просто очень ловко это скрывал. Единственное, что его волнует, – это одолеть своего брата.

Ради этого он использовал нас и Нефертари. Они с Осирисом не считаются ни с чем. Нужно их обоих запереть в Дуате и выбросить ключ.

«Дорогая?»

Гор смущенно пожимает плечами. А я не могу не восхищаться тем, как трезво Кимми анализирует столь ужасную ситуацию. Они с Нефертари похожи гораздо больше, чем она может себе представить. Пусть в разных аспектах, но они обе очень сильные личности.

– Твои глаза отрастут, а крылья Аза уже почти в порядке, – огрызается девушка, ничуть не впечатлившись ни ласковым обращением, ни его аргументами, с которыми раньше я бы просто согласился. – Если бы Сет хотел, вы бы уже были мертвы. Вам необходимо с ним поговорить. Если не вы, то это сделаю я.

– Ты в своем уме? – Гор вскакивает и хватается ее за плечи.

– С моим умом все прекрасно, – не моргнув глазом, отвечает она.

– Я за предложение Кимми. – То, что ее поддерживает именно Энола, удивляет не только меня. – Кто-то должен с ним поговорить. Выяснить, что он замышляет.

– Эй, – одергивает ее Гор, – это ведь ты у нас дежурная по ненависти к Сету. Что случилось?

Со щек Энолы сходит вся бледность, такое впечатление, будто они надуваются.

– Я по-прежнему его ненавижу, – заявляет она. – Сет нас

использовал, и нам, в свою очередь, можно поступить точно так же. Мы просто скажем, что верим ему, но...

Стража распахивает дверь в библиотеку, и торжественно входит Исида. Кафтан, такой яркий, что режет глаза, облегает изящную фигуру. В ушах звенят огромные золотые кольца, а лоб украшает такая же тиара из чистого золота.

– Совещание, – мурлычет она, – как мило. А меня вы не забыли пригласить? – Не утруждаясь проходом по коридору, она материализуется рядом с Гором и, будто маленького мальчика, гладит его по голове. Заметив, как он рукой сжимает ладонь Кимми, морщит нос. Пройдет совсем немного времени, и Исида снова попытается вбить клин между ними. Любопытно, кто победит на этот раз. – О чем речь? – так небрежно спрашивает богиня, будто ее это ни капли не волнует.

– Мы думаем, как помочь Нефертари смириться со своей судьбой, – вздыхает Саида. – Не думала, что тебя это интересует.

– О, разумеется, интересует. Но это же очевидно. – Исида громко смеется. – Просто позвольте ей уйти. Нефертари требуется руководство опытного вампира. Снаружи точно найдется пара таких, кто избежал твоего преследования. – Ее холодный укоризненный взгляд останавливается на мне. – Платон мог бы ей помочь. Мы ведь в этом совсем не разбираемся.

Я не собираюсь использовать Нефертари, чтобы выманить

Платона из укрытия, а она добивается именно этого. Неужели считает меня настолько тупым? Платон живет в геенне. Нога Нефертари ступит в это адское место только через мой труп. Как бы мне ни хотелось предъявить Исиде высказанные Сетом обвинения, для этого еще слишком рано. Сначала нужно собрать доказательства, но если все подтвердится, она за это поплатится. Мне плевать, даже если Исида сделала это лишь ради защиты сына. Благие намерения не оправдывают абсолютно все средства.

– Если мы ее отпустим, Нефертари превратится в дичь, на которую разрешено охотиться, и любой бессмертный сможет ее убить, – отвечаю я.

– Но у нее хотя бы появится шанс жить. Или ты намерен вечно держать ее прикованной к кровати? – Исида буквально заливается громким смехом. – Не знала, что у тебя столь грязные пристрастия.

Энола останавливает меня, когда я уже собираюсь наброситься на богиню. Эта ведьма ведет себя так, будто происходящее – забавная игра. Если выяснится, что заявления Сета – правда, однажды я собственноручно ее прикончу.

– Она останется здесь! – едва не кричу я. – Снаружи она и дня не протянет.

Исида смотрит на меня, качая головой:

– Как обычно, ты ее недооцениваешь. Как она найдет корону, не покидая комнаты?

– Мне плевать на корону.

– Ты изменишь мнение, когда Сет первым заполучит ее в свои загребушие руки. – У Исида в глазах вспыхивает пламя, а на лице отражается подлинный страх.

Ну конечно. Должно быть, одна мысль об этом для нее словно ночной кошмар. Бьюсь об заклад, они с Осирисом полагали, что Нефертари быстрее отыщет корону. Регалию богов. Впрочем, если Осирис надеется с ее помощью покинуть Дуат, к сожалению, мне придется его разочаровать. Он больше ни шагу не сделает в этот мир. Хотя и Сет тоже. Я не допущу ни того, ни другого.

Азраэль

Пять дней спустя я готов снять цепи и забрать отсюда Нефертари. Она в отчаянии, пусть и не хочет это показывать. Стол, за которым я сижу, стоит у окна, то есть на приличном расстоянии от нее. Так ей легче переносить мое присутствие. Я краем глаза наблюдаю, как она покачивает кровь в стакане, прежде чем выпить. На губах остается одна капля, и Нефертари ее слизывает. Щеки слегка розовеют, из радужек исчезает краснота, и она заметно расслабляется. Затем со звоном ставит стакан на тумбочку.

– Что это? – Она с упрёком указывает на стопку книг в изножье кровати.

– Книги, – невозмутимо откликаюсь я. – Ну, знаешь... такие штуки со страницами внутри, где написаны всякие интересные вещи.

В последнее время я сначала нянчился с ней, потом пытался утешить. Она все сильнее закрывалась. Так что с сегодняшнего дня пускаю в ход новую стратегию. Как ни странно, это Энола натолкнула меня на такую мысль, сказав, что Нефертари теперь вампирша, а не декоративная собачка. И оказалась права.

– Что мне с ними делать? – шипит вышеупомянутая во все не декоративная собачка, а потом пинает стопку, и два верхних тома падают на пол.

Едва сдерживаю порыв встать и успокоить ее.

– Есть такой элементарный навык, называется «чтение». Раньше оно тебе нравилось.

– А еще раньше я любила валяться на солнце, есть мороженое и заниматься йогой. – Сглотнув, Нефертари на мгновение позволяет мне увидеть, как горюет из-за всего, что потеряла.

В итоге я все-таки встаю, подхожу к кровати и подбираю книги.

– Ты снова сможешь все это делать. Но сначала нужно отпустить то, что ты имела, и принять то, что обрела.

– О, силы небесные! Избавь меня от прописных истин. Сколько времени тебе понадобилось, чтобы отпустить Нейт? Дай-ка подумать. – Театральным жестом она касается лба. – А, точно. Понадобилось, чтобы твою постель согрела я.

– Верно, – сухо откликаюсь я. – Но ты умнее меня и смелее, и это я согревал твою постель. Если мне не изменяет память, ты никогда ко мне не приходила.

В единственный раз, когда эта девушка решила взять желаемое, мы добрались лишь до коридора в отеле. Определенная часть моего тела очень выразительно реагирует на это воспоминание, и тут взгляд Нефертари перемещается на мою ширинку. Она тоже помнит.

Пару мгновений по защитным стенам бегут трещины, но вскоре Нефертари поднимает их еще выше, чем в предыдущие дни.

– Ой, поцелуй меня в зад! – огрызается она.

– Я бы с удовольствием, если бы ты смогла вынести мою температуру.

Она возмущенно ахает.

– Наверняка во дворце найдется немало девушек, которые только и ждут, чтобы ты предложил им свои услуги. Почему бы тебе просто не свалить отсюда? Мне ты здесь не нужен.

Еще как нужен. Я нужен ей больше, чем когда-либо. Первые несколько дней Нефертари была до жути собрана. Да, это казалось странным, но вполне соответствовало ее характеру. Только чем яснее она понимает, что отныне это ее жизнь, тем больше злится.

– Так просто ты от меня не избавишься, и, готов поспорить, никто из тех девчонок не окажется вкуснее тебя.

Прикусив внезапно задрожавшую губу, Нефертари отворачивается. Ее потерянный вид едва не заставляет меня передумать, хотя до сих пор моя забота абсолютно ничем ей не помогла. Мне следует набраться терпения, однако вести этот бой должна она. Я могу помочь, но только если она захочет бороться.

– Это книги из Александрийской библиотеки. Я подумал, они тебе понравятся, – мягко произношу я.

– Есть только две вещи, которые могут мне понравиться. Для этого тебе надо принести либо голову подонка, который со мной это сотворил, либо три регалии, чтобы снова превратить меня в человека, – не моргнув глазом, требует она. –

Я хочу получить свою жизнь обратно. Как далеко ты продвинулся в этом направлении?

– Мы над этим работаем. Делаем все, что можем, чтобы помочь тебе.

Я не исполню ни одно из желаний Нефертари. Будь она хоть вполовину не так зла, я бы как минимум мог с ней поговорить. Как прежде поделился бы размышлениями. Но, боюсь, при одном упоминании имени Сета она сойдет с ума. Как же я мечтаю увести ее из этой комнаты, которая уже наверняка кажется Нефертари тюрьмой. Очевидно, ее добивает жара, и, несмотря на регулярно получаемую кровь, она все равно ощутимо теряет вес. Мне хочется вывести ее в ночную пустыню, где прохладный, почти ледяной воздух, однако риск слишком велик. Воспользовавшись возможностью, Нефертари сбежит, и я, скорее всего, ни за что ее не догоню. Вампиры невообразимо быстры. В поисках информации Энола перерыла всю библиотеку. Нам почти ничего не известно об этом виде, поскольку мы всегда лишь охотились на них и убивали. Теперь нам это аукнулось. Нормальна ли такая чувствительность Нефертари к теплу или это реакция на температуру во дворце? Вампиры не живут в египетских пустынях. Впрочем, сегодня мне до нее уже не достучаться. У нее выдался необычайно плохой день.

– Проведаю тебя позже, – негромко произношу, разочарованно запуская руку в волосы.

– Не утруждайся.

Закрывая дверь, я еще раз оглядываюсь. Нефертари с опаской тянется за одной из книг и открывает ее. И внезапно опять становится той девушкой, которая делала заметки клинописью в кабинете Пикстон-Парка. У меня щемит в груди. Я буду с ней настолько терпелив, насколько потребуется. Нужно достать больше предметов, которые она любила человеком. На ум приходит Селкет, но собака не узнает хозяйку. Для нее Нефертари теперь конкурентная охотница. Гарольд тоже не вариант, но я что-нибудь придумаю.

По обе стороны длинного коридора тянутся незастекленные арочные окна, выходящие в сад. Оттуда доносятся музыка и смех. Перегнувшись через парапет, обнаруживаю Гора. На пледе для пикника он лежит между двумя принцессами, и одна из них кормит его виноградом. С момента полного восстановления глаз бог, как я и предсказывал, вернулся к старым привычкам. В другой стороне лужайки Кимберли сидит на невысокой каменной ограде и болтает с Видой, а позади нее стоит воин-призрак, очень серьезно относящийся к порученному заданию. Что ждет здесь Кимми? Ну разве что один инфантильный бог вырвет ей сердце из груди. В тени пальмы замечаю Исиду и Исфаила и мгновенно настораживаюсь. Вернувшийся в Рим Микаил забрал скипетр с собой. По этому поводу у нас возник небольшой спор с Исфаилом, который предпочел бы, чтобы тот остался здесь. Я согласился с предложением Микаила.

Решив еще раз побеседовать с Данте, поскольку мы до сих

пор бродим вслепую и не можем договориться о дальнейших действиях, я нахожу его в личных покоях. Они с Намиком склонились над письменным столом и что-то изучают. Когда я вхожу, джинны испуганно отскакивают друг от друга.

– В саду Исафил, – зачем-то сообщаю я. – Что у вас там?

– Ничего, что помогло бы нам реально продвинуться вперед, – пожимает плечами Данте.

Сейчас мне еще сложнее охарактеризовать его отношения с Исафилом, чем раньше. Во время трапез они сидят рядом, высший ангел живет в покоях принца, однако днем они практически не проводят время вместе. Вероятно, Данте трудно ставить свою миссию выше чувств. Не имеет значения, по каким причинам он вступил в отношения, Исафил все равно ему дорог. Впрочем, однажды я уже спрашивал об этом, но друг ускользнул от ответа. Если захочет поговорить, он знает, где меня найти.

– Если бы ты отправился к Тоту... – начинает Намик.

– Пока я не могу оставить Нефертари, – возражаю, пока джинн не успел привести аргументы.

– А мы не можем рисковать и ждать еще дольше, – с нотками упрека парирует он. Тот факт, что Намик осмелился на подобное, максимально четко демонстрирует его тревогу.

– Что насчет Гекаты? В это дело впутан Платон, наверняка она в курсе его планов. Готов поспорить, сладкая парочка придумала все вместе и обвела нас вокруг пальца.

– Матушка побывала в Сиве, но Геката ее непустила. –

Данте опирается руками на столешницу. – В твоё отсутствие мы позаботимся о Нефертари. Тебе необходимо увидеться с Тотом.

Друг редко просит меня о чём-то с таким упорством. Я подхожу ближе к столу. Он прав, нельзя больше отказываться.

– Что это? – На столе лежит карта какой-то местности. Пергамент старый и ломкий.

– Рисунок долины Еннома, – поясняет Намик, и волосы у меня на затылке встают дыбом. – Так она выглядела, пока её не поглотила земля.

Я внимательнее вглядываюсь в выцветшее изображение. Всего один раз сотни лет назад я пролетал над ущельем. Из него воняло отбросами, горелой плотью, кровью и отчаянием. Поэтому люди называли его *Долиной убийства* или *Обителью обречённых*. Это место проклято.

– Здесь находились ворота Харшиф, – указывает Намик на одну точку. – На южной стороне городских стен Иерусалима.

Раньше через них жители города вывозили в долину мусор. Впрочем, не это стало причиной зловония. Царь Ахаз, правивший Иерусалимом через целых двести пятьдесят лет после Соломона, творил в ущелье немыслимые зверства.

– Ахаз сжег там собственных сыновей. – Данте произносит вслух то, о чём я способен лишь молча вспоминать.

– А ещё повелел приносить в жертву идолу Молоху множество других детей, – добавляет Намик. – До тех пор, по-

ка почва больше не смогла впитывать кровь невинных и воспротивилась. Когда земная твердь разверзлась и поглотила ущелье, ворота исчезли вместе с ним.

И теперь мы знаем, куда они исчезли.

– Как это нам поможет? Вы нашли другой проход? Мы сумеем провести войско в геенну?

Это безумие, но если только таким способом нам удастся отнять у Сета кольцо, я это сделаю. У меня кончики пальцев покалывает от желания сразиться с ним и убить.

– Не нашли. – Намик разворачивает карту, чтобы мне было удобнее смотреть. – Царь Ахаз был гораздо более жестоким, чем все его предки, и, кажется, мы поняли причину.

– Он искал кольцо? Тогда он, скорее всего, знал, что Соломон вверил его магам.

– По всей видимости, так и есть, – задумчиво кивает Данте. – А столько детей Ахаз убил для того, чтобы вынудить магов отдать ему кольцо.

Жуткая идея, но не лишенная смысла.

– Чего они не сделали.

– Нет, – подтверждает Намик. – Мы считаем, – управляющий бросает неуверенный взгляд на принца, – что маги приказали кольцу создать убежище. Ахаз не должен был им завладеть, поскольку тогда начал бы совершать еще более ужасные зверства. В геенну он за ними последовать не мог.

– Да, но за это им пришлось заплатить свою цену. – Данте проводит рукой по черным кудрявым волосам, и Намик

обеспокоенно смотрит на него. – Нам регалии подчиняются, – напоминает друг. – Мы можем их использовать. Ангелы – Скипетр света, боги – Корону пепла. Но любой другой обязан чем-то заплатить.

А ведь и правда, только я об этом забыл. Таким способом артефакты защищают себя от использования во зло. Я хмурюсь. Невзирая на свои способности, маги оставались людьми. Куда им до силы кольца? При мысли о том, что натворили бы скипетр и корона в руках смертных, меня охватывает ужас. Нас самих регалии власти наказали утратой Атлантиды, а ведь мы тогда ими даже не воспользовались, просто унесли с острова. Вопреки их желанию... До сих пор я никогда не смотрел на случившееся под таким углом, но в этом есть доля истины. Я ничем не лучше Сета, мы оба всегда старались добиться того, что считали правильным. Ненавижу Исиду за ее правоту. Пусть я и твержу, что лишь защищаю Нефертари, но фактически все равно навязываю ей свою волю.

– Намик хочет сказать, – Данте переводит взгляд сначала на него, затем на меня, – кольцо сделает все возможное, чтобы воссоединиться с другими регалиями. Только джинн может владеть им по-настоящему.

– А Сет не джинн, – глухо отзываюсь я.

– Совершенно верно. Сет силен, но Кольцо огня сильнее. Оно способно создавать и разрушать миры. Если Сет прибегнет к его помощи, ему придется дать что-то взамен.

– Та магиня носит его годами, – обращаю я внимание друга на несостыковку.

– И лишилась всякого сочувствия. Чтобы править геенной, она пожертвовала кольцу свою человечность. Не стоит Сету использовать Кольцо огня, надо его предупредить.

– Предупредить его? Забудь.

Кольцо лучше покарает Сета за жажду власти, чем получилось бы у меня.

– Можешь сколько угодно это отрицать, – строго произносит Данте. – Можешь твердить, будто ненавидишь Сета, только вот ваша дружба не умерла до конца. Он спас тебя от проклятия Аль-Джанна, и ты перед ним в долгу. Поэтому с такой готовностью и простил его. Кольцу огня под силу сотворить с ним нечто пострашнее того, что в прошлом сделал бы с тобой заклинание. Пришла твоя очередь его спасать. От кольца и от себя самого. Тем самым ты также спасешь нас и Нефертари.

Я тру лоб. Хочется треснуть джинна чем-нибудь по голове, но у него чересчур логичные аргументы. Неужели Данте всерьез ожидает, что я спасу Сета? Никогда не смогу простить ему сделанного с Нефертари. Я продолжаю изучать рисунок, чтобы эти двое не заметили, какой беспорядок царит у меня в голове. На пергаменте изображена не только долина, но и часть старой городской стены Иерусалима, трое ворот и несколько домов.

– За все время, пока Камень Плача был замурован, маги

ни разу не воспользовались кольцом, чтобы вырваться из заточения. Вам не кажется это странным?

– Нет, – откликается Намик. – По-моему, даже они понимали, что за это придется заплатить слишком высокую цену. Поэтому они ждали, пока кто-нибудь не придет и не откроет проход.

Соломону стоило спрятать и Кольцо огня тоже. Он пробудил чересчур сильную алчность. Нельзя было отдавать его магам.

– А что насчет обратной трансформации? Потребуют ли регалии заплатить цену и за нее? – Я заплачу. Какой бы высокой она ни оказалась.

– Помнишь, как после ухода Атлантиды под воду мы неоднократно пытались вернуть ее и у нас не получалось? – задает встречный вопрос Данте.

Помню, и даже слишком хорошо. Всякий раз я надеялся и всякий раз горько разочаровывался.

– Да, и держу пари, что у вас есть теория на этот счет.

– Есть, и она тебе не понравится, – подтверждает Намик. Он бросает быстрый взгляд на Данте, который ободряюще ему кивает. Я был так занят Нефертари, что не заметил, насколько увереннее стал управляющий. Днем я постоянно вижу этих двоих вместе. – Мы думаем, что при затоплении регалии потеряли большую часть своей силы. Опустить остров на дно – это нечто невероятное, даже учитывая их могущество. Тогда они еще не могли вернуть Атлантиду. Надеемся,

за минувшие тысячелетия им удалось восстановить магию. Но... – сделав паузу, он опять смотрит на Данте, который не сводил с него глаз, – нельзя так рисковать. Нельзя растрачивать эту силу.

– В каком смысле «растрачивать»? – рычу я.

У джинна хватает приличия отвести глаза.

– Обратное изменение демонов и возвращение Атлантиды может оказаться для них непосильной задачей. И даже если Атлантида вернется, возможно, пройдет еще целая вечность, прежде чем они накопят достаточно силы на трансмутацию.

– То есть я должен сказать Нефертари, чтобы она не надеялась впустую и смирилась со своей судьбой, но мужчину, который ее убил, мы спасем от превращения в бездушного монстра?

Последние слова я цежу с отвращением. Мне до безумия хочется схватить Нефертари и унести ее отсюда. Просто оставить все позади. Однако я не могу. Не стану уклоняться от ответственности перед своим народом. Оба джинна смущенно смотрят на меня и ждут ответа.

– Твою мать. – Я бью раскрытой ладонью по столу. – Я пойду к Тоту. – Он самый умный из нас, возможно, и придумает выход. – Нефертари ни слова о ваших догадках. Она пока не готова. Еще слишком растеряна. Я сам расскажу, когда вернусь. Нужно будет как-то мягко ей это преподнести.

Сейчас Нефертари не способна нормально воспринять эти новости. Она придет в ярость. Впрочем, и скрывать от

нее такие вещи нельзя. Мы хотим, чтобы она искала корону, но не позволим превратиться обратно, поскольку Атлантида важнее. Это мерзко и жестоко.

— Конечно. — Данте скручивает карту. — Только не тяни. Неизвестно, в курсе ли Сет, какая ему грозит опасность. С каждой минутой, пока кольцо находится на его пальце, он будет становиться все более непредсказуемым.

Следующие дни проходят по той же схеме. Я перекапываю дворцовую библиотеку в поисках книг и свитков из Александрии. Их осталось не так много, да и те, которые удастся найти, пахнут дымом и сильно повреждены огнем. Я отношу все Нефертари, которая их молча берет. Она вообще разговаривает со мной только по необходимости. Вроде и нужно поделиться предположениями Данте и Намика, но я снова и снова откладываю разговор, хоть и не хочу иметь от нее секретов. Убеждаю себя, что это ради ее же блага, но защищаю лишь себя от ярости и ненависти Нефертари.

Когда сегодня я вхожу в комнату, она сидит у окна. По моему, это прогресс, даже несмотря на прикованные к стулу конечности. Вид просто ужасный. Снаружи уже стемнело и опустилась прохлада. Нефертари закрыла глаза и не поворачивается ко мне. Она давно узнала меня по запаху или по походке. С каждым днем ее чувства обостряются все сильнее, и отчуждение между нами тоже растет. Сегодня был долгий день, я устал после тренировок, которые недавно начал.

Несмотря на полное исцеление, крылья еще не могут переносить меня на длинные расстояния. Впрочем, для Дуата пока должно быть достаточно.

– Как у тебя дела?

– Так же, как вчера или позавчера. То есть фантастически. Теперь я улавливаю даже аромат жимолости, учитывая, что она растет в западной части дворца. Потрясающе, правда? Еще пчела упала в воду бассейна на крыше и утонула. Я слышала, как бились крылья, пока она боролась за жизнь. И не могла помочь.

– Мне очень жаль.

Сарказм я просто игнорирую. Стакан у нее на тумбочке пуст. Надо было принести чай. Осторожно, чтобы не напугать Нефертари, я по воздуху перемещаю к ней второй стул, сажусь и немного наклоняюсь вперед. Нельзя больше откладывать откровенный разговор.

– Сегодня днем я ходил к Саиде. Юна, девушка, которая тебя обратила, поднялась на поверхность. – Нефертари цепенеет, но все равно упрямо молчит. Невидимая стена, которую она вокруг себя воздвигла, скоро по высоте сравняется с Вавилонской башней. – Вчера вечером она вышла из туннеля под Храмовой горой, и воины-призраки Саиды следовали за ней через весь Иерусалим.

– А что насчет Платона?

– Его они не видели. Впрочем, будь я на его месте, тоже спрятался бы.

– Наверное, лижет пятки Сету.

– Вполне возможно, – соглашаюсь я. Раньше меня повеселил бы столь легкомысленный комментарий. – К сожалению, вампирша сбежала от солдат, но когда покажется в следующий раз, ее приведут сюда. – Я буквально вырвал такое обещание у Саиды. Если Юна в состоянии передвигаться в одиночку, то и Нефертари сумеет. – Она могла бы научить тебя, как подстроиться под нынешнее положение вещей.

– Подстроиться? – Нефертари наконец смотрит мне в глаза и при этом язвительно смеется. – Что конкретно ты имеешь в виду?

Если бы я знал, нам бы не потребовалась помощь другого вампира.

– Она провела полдня в городе и не навредила ни одной живой душе. Платон за время пребывания в городе тоже никого не кусал. Я бы знал.

Слабоватое оправдание, но вместе с тем и надежда. Мне стоит самому слетать в Иерусалим и вытащить этого негодяя из норы, в которую он заполз. Вот только для этого придется покинуть Нефертари. Хотя я понятия не имею, волнует ли ее это вообще. И заметит ли она мое отсутствие в своем летаргическом состоянии. Собственное бездействие сводит меня с ума. Скоро дойдет до того, что Гор сам отправится в Дуат, чтобы переговорить с Тотом.

– Отнеси меня в Иерусалим, – предлагает Нефертари. – Я могу начать поиски Короны пепла. Я готова. Если остался

хоть малейший след, я его найду.

С ума сошла?

– Исключено, – выпаливаю я. – Плевал я на корону.

– Серьезно? – Нефертари издает жесткий смешок. – А мне казалось, именно поэтому я до сих пор жива. – Меня уже не должна коробить горечь в ее словах. – Ты не обязан меня защищать, – добавляет она мягче. – Худшее уже случилось. Отпусти меня. Ты не можешь меня спасти. Ты вообще больше ничего не можешь для меня сделать. Я освобождаю тебя от этого обязательства.

– Это не обязательство.

Я не поддамся на манящий тон. Видимо, этим методом пользуются вампиры, чтобы убедить жертву сдаться... или, как в моем случае, уговорить сделать то, чего я делать не желаю. Она быстро учится. Даже знать не хочу, каким штучкам мог бы научить ее опытный вампир.

– Нам нужно обсудить кое-что другое, – меняю я тему, отметив про себя, что сегодня Нефертари произнесла больше слов, чем за все предыдущие дни. – Помнишь, о чем Сет рассказывал нам в пещере? О вине Осириса?

Такое ощущение, будто встаю на очень тонкий лед. Никогда не знаешь, какое предложение приведет ее в ярость. Она бурлит внутри, словно вулкан незадолго до извержения. И рано или поздно взорвется. Пройдет целая вечность, прежде чем она примет свою судьбу. Однако я не могу больше ждать.

Нефертари напряженно кивает.

Я упираюсь руками в бедра и выгибаю спину. Сейчас последует самая сложная часть.

– Я ненавижу Сета за то, что он с тобой сделал. Но не хочу совершать ту же ошибку, какую допустил в прошлом. Осирис натравил нас друг на друга, а мы слепо пошли за ним. Результатом стали смерть и разрушение. – У нее едва заметно расширяются глаза. – По нашему мнению, Сет прав в том, что сказал в пещере, и если это правда, тогда его ошибочно осудили. Мы предложим ему выдвинуть обвинения перед советом аристов. За это он должен будет отдать Кольцо огня джиннам. Если он это сделает, его не накажут. Вместо этого перед советом придется отвечать Осирису. – Такое решение мы приняли за минувшие дни, и Саида уже поставила в известность Зевса и Одина. – Так нам удастся избежать новой войны.

Когда я заканчиваю последнюю фразу, во взгляде Нефертари светится абсолютное непонимание. Наверняка она ожидала, что я поклянусь в вечной мести Сету, как поступил, потеряв Нейт. Но это лишь усугубило ситуацию. Мсть – не доказательство любви. Она сама так считала. По крайней мере, раньше. Принимать разумные решения гораздо труднее, чем поддаваться гневу. И это далеко не все, что мне надо ей сказать. Я уже открываю рот, как неожиданно Нефертари меня перебивает:

– Значит, вы прощаете ему то, как он поступил со мной?

Его действия в порядке вещей, поскольку сейчас вас это устраивает? – Она дергает цепи. – Он меня убил! Сломал мне шею. – Ее голос становится громче. – Сет мог с тобой поговорить. Несколько недель! Почему он никому не доверился? Почему он меня... – Нефертари резко осекается, а затем буквально вопит: – ...убил? – Она сглатывает. – Жаль, я не ушла с Малакаем. Жаль, что не поступила так, как *сама* хотела.

Она права. Абсолютно во всем. Чем бы ни руководствовался Сет и как бы он ни мучился, Нефертари не должна была платить эту цену. И тем не менее мне нужно попробовать достучаться до нее.

– Я ничего не прощаю. Только в прошлый раз я согласился с самой простой интерпретацией, и все страдали из-за этого тысячи лет. Я хочу положить конец войнам. И если не дам Сету как минимум один шанс объясниться, значит, я ничему не научился на ошибках прошлого. – Нефертари закрывается, и я словно наяву вижу, как она прячется в свою раковину. Наши трудности ее больше не волнуют. Она борется с другими проблемами, а я даже не могу обнять ее и утешить. Впрочем, хотя бы один из нас должен сохранять трезвый рассудок. Раньше в большинстве случаев это делала Нефертари, теперь настала моя очередь. – Мы все выжили, – напоминаю я. – Сет освободил меня от цепей. – Я цепляюсь за мысль о том, что он не желал мне смерти. Мне нужно что-нибудь, чтобы оправдать, почему я до сих пор его не четвертовал.

– Может, он думал, что ты давно мертв, – презрительно фыркает она. – И я вообще-то не выжила.

До конца своей бесконечной жизни мне не забыть тот ужасный щелчок. Как бы я ни желал принести ей голову Сета, это ничего не изменит. Но ее разочарование вполне понятно, а ведь я еще не сообщил ей худшее. Если аристократам придется выбирать между возвращением Атлантиды и трансмутацией, они выберут Атлантиду. Я не в силах заставить ее думать сейчас еще и об этом. Как и не решаюсь рассказать, что мы собираемся предупредить Сета о силе кольца. О том, что, по мнению Данте, это мой долг перед богом за спасение от проклятия. После этого я бросил Сета. По крайней мере, он так считает. Потому и отнял у меня Нефертари. У меня резко перехватывает дыхание, и я на мгновение отворачиваюсь от нее.

В этот момент в дверь стучат, и входит Данте.

– Что тебе здесь нужно? – шипит на него Нефертари. – Неужели нельзя просто оставить меня в покое? Не надо из жалости составлять мне компанию.

– О-о-о, а тут кто-то в хорошем настроении, – тянет Гор, вваливаясь вслед за принцем. Позади них – Энола, Кимми и Намик.

От злости Нефертари бледнеет еще сильнее. Ее кожа теряет шелковистый блеск, а розовый цвет в радужках темнеет. Слишком много запаха крови в слишком маленьком помещении. Она только что пила. Если бы не питание, это уже

свело бы ее с ума.

Заметив ее реакцию, Данте и Намик превращаются в джиннов, совсем немного улучшая ситуацию. Гор отводит Кимми к окну в дальней части комнаты.

– Вы поссорились, – произносит Энола. Температура ее тела чуть ниже, чем у остальных. Из-за этого Нефертари дольше выносит ее присутствие. Очередная ирония судьбы, если учитывать, что они не нравятся друг другу. – Мы в саду слышали твои крики.

– И подумали, зайдем-ка мы и спасем высшего ангела, пока я его не распотрошила, так, что ли?

– Не выпендривайся, принцесса! – рявкает на нее Энола. – Возьми себя в руки. Быть вампиром – это еще не конец света.

Нефертари перемещается настолько стремительно, что никто из нас не успевает отреагировать. Бросается вперед в попытке напасть на пери, но цепи тянут ее назад. Кимми визжит, и Гор разворачивается к ней. Проходят считанные секунды, и эти двое исчезают, а я лежу на Нефертари, обняв ее крыльями. Она испуганно смотрит мне в глаза.

– Все хорошо, – успокаиваю ее. – Ничего страшного. Со временем ты научишься справляться с гневом.

– Не хочу я справляться с гневом, – раздраженно выпаливает Нефертари, щелкнув зубами у моей шеи. – Слезь с меня. Мне больно.

Лишь сейчас я замечаю холод, проникающий сквозь кожаную одежду. Такое ощущение, будто кто-то тычет в меня

ледорубом, и я вскакиваю, когда ее лицо искажается от боли.

– Матушка терпеть не может, когда ломают мебель, – невозмутимо комментирует Данте. – Придется тебе как-то ей все объяснить.

– Во всяком случае, теперь она не такая вялая. Меня это жутко угнетало, – ухмыляется Энола, покидая комнату.

Ей вслед доносится лишь шипение. Нефертари по-прежнему лежит среди сломанных кусков дерева. Не обращая внимания на холод, я поднимаю ее и несу к кровати. Она брыкается и извивается у меня на руках.

– Лежи тихо.

– Тогда отпусти меня. Я лишилась сердца, а не ног.

Я кладу ее на постель, и не остается ничего иного, кроме как пристегнуть цепи к каркасу кровати. У нее потерянное лицо, но я боюсь заговаривать на эту тему. Нефертари воспримет это как жалость и разозлится еще сильнее.

– Уходите, – безэмоционально просит она. – Все. Я хочу побыть одна.

– Нефертари, – начинаю я.

– Оставь ее, – предлагает Данте. – Продолжим этот разговор завтра.

– Все с ним согласны? – глухо интересуется она. – Вы оправдываете то, что совершил Сет?

– Мы абсолютно ничего не оправдываем, – тихо отвечает Намик. – Просто пытаемся принять решение, которое принесет как можно меньше вреда.

– Вреда кому? – Данте раскрывает рот, однако Нефертари отмахивается. – Я и так знаю. Все снова зациклено на вас и вашей ненаглядной Атлантиде. Чего стоит какая-то человеческая жизнь? Чего стоит моя жизнь? Она ведь не настолько ценна, как ваши, бессмертные. Думаете, Сет в курсе местонахождения короны? Поэтому хотите к нему подлизаться? – язвит она. – Проваливайте отсюда, пока меня от вас не стошнило. Меня вообще еще может стошнить?

Я тянусь к ее руке, но Нефертари вырывает у меня ледяные пальцы, едва я их сжимаю.

– Не трогай меня. Никогда больше меня не трогай, а сейчас прочь с глаз моих.

Во всяком случае, последнее желание я могу исполнить. Хотя бы на данный момент. Однако если Нефертари решила, будто сумеет оттолкнуть меня навсегда, она плохо меня знает. Я сделаю так, чтобы она научилась выносить такую жизнь. Даже если никогда больше не посмею до нее дотронуться или поцеловать, она от меня не избавится. Несмотря на острый ум, она понятия не имеет, почему я ее люблю. Люди обладают удивительным талантом не замечать самого важного. Ее обращение этого не изменило.

Наклонившись, я так осторожно целую ее в висок, что Нефертари едва чувствует это прикосновение. Не хочу сделать ей больно. Она застывает под моими губами, а я стираю ледяную слезинку из уголка ее глаза.

– Я знаю, что ты пытаешься сделать, любимая. У тебя ни-

чего не выйдет. Таким дешевым трюком тебе от меня не избавиться.

Пусть и с холодной кожей, но она все равно воспринимается родной. Мне хотелось бы покрыть поцелуями и другие места, но пока этого достаточно. Она ничего не отвечает, и я покидаю покои.

Тарис

Я снова начинаю дышать лишь после того, как Азраэль и остальные уходят. Почему он до сих пор так со мной возится? Пусть развяжут меня, чтобы я нашла Корону пепла, а еще пусть отберут кольцо у Сета и убьют его. Все остальное меня теперь не волнует. У нас с Азраэлем нет будущего, как бы все это ни закончилось и что бы он ни утверждал. Наивно надеяться на что-то другое. Если я останусь вампиром, он больше не сможет ко мне прикоснуться. А если снова стану человеком, состарюсь и умру. Возникшее между нами с самого начала было иллюзией. Однако этот упрямец отказывается признавать факт, который мне уже давно пришлось принять. Я больше не выношу его любящие и сочувственные взгляды. Не выношу его запах. Безумно хочу уткнуться лицом в грудь Азраэля и втянуть в себя его аромат. Вот только его жар меня сожжет. От него пахло чистым потом, солью и розмарином. Готова поспорить, после тренировки он стащил что-то с дворцовой кухни. Нечто невероятно сладкое, что я теперь не могу есть. С удовольствием понаблюдала бы за ним во время боя на мечах, однако из этой комнаты мне слышно лишь звон металла. Я всегда в курсе, когда подходит очередь Азраэля. Его меч как будто поет. Некоторые из вампирских умений весьма удобны, тем не менее, я бы немедленно отказалась от них, если бы взамен смогла его просто поцеловать.

вать. Лучше бы он видел во мне монстра, в которого я превратилась. Но нет. Груз, который давит мне на грудь, словно становится тяжелее при взгляде на стопку книг на тумбочке. Несмотря на холод в душе, внутри у меня растекается теплота. Каждый день он копается в библиотеке в поисках книг из Александрии. У него есть дела поважнее, но Аз старается порадовать меня. Кимми рассказывала, что друзья просили его поговорить с Тотом, но он отказывается покидать меня. Это глупо и безрассудно. Сейчас каждый день на счету. Впрочем, пока я прикована к кровати, ангел не будет исполнять свой долг. Значит, я должна сделать первый шаг. Прочь от него. Он практически не оставляет мне выбора. Мы ни за что не сможем остаться просто друзьями. Он никогда не говорил, что любит меня, и я тоже ему не признавалась. Хотя Азраэлю и незачем это делать. Я знаю, он любит. Даже если вернется в Атлантиду, где его ждет Нейт, он меня не забудет.

Дотягиваюсь до тонкой книжки на тумбочке. К счастью, цепи достаточно длинные для подобной свободы движений. Томик пахнет пеплом и дымом. Кто-то аккуратно разрезал старый пергамент, пострадавший во время сильного пожара в Александрийской библиотеке, и сделал кожаный переплет. Многие участки изначального текста из-за этого стали нечитаемыми, но мне хватит и остатков информации. Я облакачиваюсь на белые шелковые подушки. От них пахнет лавандой. Раньше мне нравился этот аромат, но теперь для моего чувствительного обоняния он слишком сладкий, меня

от него чуть ли не мутит. Можно попросить кого-нибудь поменять постельное белье, но служанки и без того достаточно меня боятся, так что потерплю. Медленно листаю страницы. Я уже раз сто держала ее в руках. Сначала идут протоколы судебных заседаний. Я уже собиралась отложить книжку, как вдруг, скорее по чистой случайности, пролистнула вперед. Если бы Азраэль тоже это сделал, наверняка не принес бы мне ее, поскольку там очень красочно описывается устройство геенны. Этот ад состоит из семи уровней, каждый последующий страшнее предыдущего. Я очень тщательно все изучила. Потребовалось несколько дней, чтобы обнаружить крошечную подпись автора, ведь буквы во многих местах смазаны и покрыты копотью. Я не особенно удивилась, увидев имя Платона. Этот мужчина не только один из самых значительных философов, но и самый большой интриган из когда-либо живущих.

Я откладываю книгу и ниже опускаюсь на подушках, стараясь игнорировать запах. Если не шевелиться, то можно представить, будто во мне ничего не изменилось. Я бы с радостью осталась здесь, где пусть и чересчур жарко, но как минимум безопасно. Только... это не жизнь. Я прикована к кровати. Как только удастся уговорить кого-нибудь снять с меня цепи, я исчезну отсюда и уже знаю, кем будет этот кто-то.

С каждым днем цепи становятся все тяжелее. После моего срыва прошло три ночи. Приступ ярости не прогнал Азраэ-

ля, как и мое молчание с тех пор. Он навещает меня несколько раз в день, приносит чай, кровь или книги и рассказывает всякую ерунду, которая происходит при дворе. Испытываю почти физическую боль, глядя, как он старается преодолеть дистанцию между нами. Ждет от меня малейшего знака, но я не могу его дать. Так будет лучше. Однажды Аз поймет. Возможно, уже понимает, просто не хочет признавать. Наверное, более здравым поступком было бы поговорить с ним. Объяснить, почему он должен меня отпустить. Не только в физическом смысле. Ему надо по-настоящему меня отпустить. Однако он все равно примется отрицать мою правоту, а я не хочу вступать в дискуссию. Для нее у меня самой еще не хватит сил. Азраэль первый мужчина, которого я полюбила. Отпустить его невероятно трудно, пусть и разумно. Когда он заходит в покои, у меня сжимается горло. Я скучаю по нему. Скучаю по тому, что происходило между нами. И вместе с тем дико злюсь на то, что для меня это до сих пор так много значит. Мысль, что это никогда больше не повторится, ужаснее воспоминаний о случившемся в пещере. Я его потеряла. Мы никогда больше не сможем поцеловаться, прикоснуться друг к другу и тем более заняться любовью, а платонические отношения его наверняка не интересуют. Во всяком случае, не на длительное время. Рано или поздно он это осознает и обратится к другим женщинам, а я не смогу его упрекнуть, но это разобьет мое больше не бывшее сердце.

Возможно, я это заслужила. У меня не получилось спасти Малакая. Брат умер без меня, пока я искала чертовы сокровища. Мы с мамой разошлись, поссорившись, а потом она внезапно умерла. Я была не лучшей дочерью, хотя она очень сильно меня любила. Я самоуверенна и упряма. Отсутствие у меня настоящих друзей – целиком и полностью моя вина. Подтянув колени к груди, я обхватываю их руками и жалею саму себя. Эти мысли ужасны, и прежняя я никогда бы не подумала ни о чем подобном. Прежняя я была сильной, а не такой жалкой личностью. Только вот я не могу справиться с резкими скачками эмоций. Они просто накатывают без предупреждения. Неудивительно, что с меня не снимают цепи. По холодному лицу текут слезы. Я стираю их, пока они опять не превратились в лед, и душу накрывает отчаяние. Если не найду Корону пепла, стану угрозой и обузой в равной степени и для людей, и для бессмертных.

Трясусь всем телом и снова возвращаюсь в пещеру. На меня смотрит душа Малакая. Он не желал забирать меня с собой. Не захотел, чтобы я была с ним. Естественно. Я бросила брата, и в наказание тоже останусь одна. Если не отыщу корону или если трансмутация не удастся, мне придется прятаться до конца своей бессмертной жизни. Сколько я смогу контролировать эту страшную потребность? Сколько времени пройдет, пока я окончательно не сломаюсь? С каждым днем я чувствую себя все более хрупкой. Раньше мы с Кимми часто играли в дженгу. Башня была стабильна, пока

отдельные деревянные прочно лежали в ее основании. Вытащи слишком много брусков – и она рассыплется. Осталось отобрать у меня одну крошечную деталь, и тогда я развалюсь окончательно.

Открывается дверь, и входит Кимми в сопровождении Гора. Я быстро прячу книжку под подушкой. Над чем-то смеюсь, они ничего не замечают. Волосы Кимми аккуратно заплетены, что не мешает паре прыжок то тут, то там завиваться. Джамила, вторая по старшинству дочь Саиды, разрешила моей кухне брать свою одежду. Плавные изгибы особенно хорошо смотрятся в мягких штанах и рубашках джиннов, и хотя эти вещи пестрят разными оттенками, они не идут ни в какое сравнение с кошмарными платьями в цветочек, которые покупала ей тетя Фиона. В этом месте Кимми расцветает подобно редкому цветку, который слишком долго стоял в темном углу. Я не могу не обращать внимания на томные взгляды Гора, как и мой нос не в силах игнорировать исходящий от него сладковатый аромат парфюма, который предпочитают местные девушки. Кузина либо его не улавливает, либо ее это не беспокоит. В последнее мне верится с трудом. Только вот спросить об этом никак не удастся, поскольку Гор всегда сопровождает ее. К сожалению, с каждым днем и она становится для меня все более чужой. Азраэль наврал, вампир меняется не только после того, как начинает охотиться. Пусть я еще и не убила человека, перемены уже происходят. Прямо посреди моей жизни вырастает невидимая стена. На

одной стороне нахожусь я, а на другой – все, что прежде было мне дорого.

– Как насчет партии в шахматы? – Кузина приподнимает игральную доску.

– Кроме меня, она победила уже всех при дворе, и теперь никто не хочет с ней играть, – информирует Гор. – Так что хорошенько подумай, хочешь ли стать ее следующей жертвой.

Кимберли тыкает его локтем в бок:

– Тебе я поддалась.

– Ложь. Просто я лучше тебя.

– Ты меня отвлек. – На ее щеках появляется румянец. – Я требую реванш.

– Ты его получишь. Ничего, если мы тут побудем? – обращается он ко мне.

– Чувствуйте себя как дома.

А я-то думала, за перепалкой эти двое про меня уже забыли. Они садятся за стол у окна на максимальном расстоянии от меня. Пару мгновений я за ними наблюдаю. Кимми расставляет фигуры на доске, а бог разливает чай по стаканам. Она не может оставаться здесь вечно. В общем и целом, кузина делает это лишь ради меня. Однако ей нужно вернуться к старой жизни и продолжить с того момента, из которого я выдернула ее с этими чертовыми поисками сокровищ. Кимми надо написать дипломную работу, она хотела найти отдельную квартиру, танцевать, целоваться с парнями...

«Этого она делать не будет», – прерывает мои мысли негромкое рычание.

«Конечно, будет. Она молода. Это часть молодости».

У Гора дергается кадык, когда он двигает своего коня.

– Глупый ход, – ругается Кимми. – Сосредоточься.

С ухмылкой на лице она сбивает фигуру с доски.

«Она ведь еще ни разу не целовалась, а ей хочется. Так что позволь ей получать удовольствие. Смертные девушки ее возраста должны набраться опыта», – продолжаю провокацию я.

«Она еще ни разу не целовалась?»

Очевидно, до Гора дошло только это, поскольку его голос прозвучал так возмущенно, будто я сказала, что она совершила убийство. Разглядывая свои руки, я решаю еще немножко развлечься. В конце концов, нечасто мне тут предоставляется повод.

«Она девственница, идиот. Хотя, думаю, ненадолго. Вида упоминала, что по меньшей мере три воина-призрака проявляют к ней интерес. Будь я на ее месте, выбрала бы одного из них. У них больше опыта, чем у тупоголовых смертных парней, которые дома взяли бы дело в свои руки. – Гор бледнеет. Вероятно, я зашла слишком далеко. – Она твоя подруга, может, дашь совет, кто ей больше подойдет. Ты ведь лучше разбираешься в мужчинах», – тем не менее вновь подначиваю я.

Гор угрюмо молчит и делает два неверных хода подряд.

– Когда ты настолько упрощаешь задачу, это не доставляет никакого удовольствия. Мне что, пустить тебя в свою голову, чтобы ты видел, какие ходы я бы сделала на твоём месте? – возмущается Кимберли. – О чём ты думаешь?

– Вот это я могу тебе сказать. – Бог откашливается. – Завтра я перенесу тебя в Хайклер. – Она тихо ахает, но он не обращает внимания. – С Тарис все в порядке, а нам пора сосредоточиться на предстоящих столкновениях. У меня больше не будет времени тебя развлекать.

– Развлекать меня? – хмурится кузина. – Что ты имеешь в виду? Тебе не нужно меня развлекать. Это я о тебе заботилась, если ты забыл.

– К счастью, мои глаза снова в порядке, и тебе пора отправляться домой. Я очень тебе благодарен.

Скрестив руки на груди, Кимми откидывается на спинку стула. Игра забыта.

– Благодарен, значит. Как любезно с твоей стороны. Только я остаюсь. Мне тут нравится.

– Ты будешь делать то, что я скажу, – командует Гор. – Мы продолжим заботиться о Тарис. Ты выполнила свою задачу, пора уходить.

– Я не позволю диктовать себе условия. – Со слезами на глазах Кимберли вскакивает. – Зайду попозже, когда он уйдёт, – выпаливает она, уносясь в направлении выхода. – С Харуном. И просто чтоб ты знал: ты худший шахматист во всем дворце. Даже младшая внучка Мириам играет лучше.

Я развлекалась с тобой, только чтобы ты не опозорился, если малышка снова бросит тебе вызов.

Она громко хлопает дверью, отчего, кажется, сотрясается весь дворец. Хотя, возможно, я одна так сильно ощущаю вибрацию обострившимся восприятием.

– Кто такой Харун, черт его побери? – спрашивает Гор, пылая от ярости. – Ты ведь нарочно это сделала, – обвиняет он. – Зачем?

– Тебе не следует так легко поддаваться на провокации, – пожимаю я плечами. – Кроме того, ты принял правильное решение. Ей здесь не место. Такая жизнь лишь заставляет ее надеяться на то, чего у нее никогда не будет.

На него. Не знаю, понимает ли Гор намек, но сдвигает густые брови, после чего, не произнеся больше ни слова, как фыркающий бык, покидает комнату.

Отмахиваюсь от угрызений совести. Да, с моей стороны, конечно, некрасиво так заканчивать отношения между кузиной и Гором, но я все равно права. Пусть хотя бы она получит шанс на нормальное будущее.

Когда ближе к вечеру приходит Азраэль, по выражению лица я сразу догадываюсь, что он в курсе этого инцидента. Ангел.

– Кимми заперлась у себя в комнате. Ты довольна? – интересуется он, укоризненно глядя на меня и протягивая стаканчик с кровью.

– Гор ее не заслуживает. Даже не отрицай, что он резвится

с другими девушками, пока она питает напрасные надежды. Ее нужно вернуть домой. В Хайклере она будет в безопасности.

Ангел садится на край кровати.

– Раньше ты сказала бы, что она должна сама решать, что считает правильным, а что нет.

– Ну, раньше меня не убивал твой бывший лучший друг. Если с ней что-то случится, под рукой опять окажется вампир, который ее обратит? По-твоему, я желаю ей чего-то подобного?

– Нет, не желаешь. Но так она хотя бы не умерла.

Ненавижу ангела за то, что он прав и при этом так спокоен. Почему не выскажет мне в лицо, в какую несносную тварь я превратилась?

Азраэль наклоняется ближе, и меня окутывает его аромат. Он намеренно меня мучает или испытывает мой самоконтроль?

– Можешь сколько угодно злиться за меня, я не против, но не срывайся на своей кухне или на наших друзьях.

– Это твои друзья. – Его губы очень близко к моим. Что произойдет, если он меня сейчас поцелует? Хочет ли он этого? Выдержу ли я? – Они уже давным-давно стали и твоими тоже. – Азраэль отодвигается и просто кладет ладонь мне на щеку, большим пальцем поглаживая нижнюю губу. У него темнеют глаза, а у меня все сжимается в животе. Виной тому страсть или жажда крови, пока неясно. От его прикосно-

вения кожа горит огнем, но я несколько секунд терплю. Потому что хочу этого. – Мне нужно отлучиться на пару дней. Максимум на три. Необходимо поговорить с Тотом. Можно оставить тебя одну на это время? Я обещал, что буду рядом, и если нужен тебе...

Не задумываясь, я кончиком языка облизываю его кожу. Зрачки Азраэля расширяются, а запах меняется, становится тяжелее, и сердцебиение ускоряется. Мы смотрим друг на друга. Мне хочется узнать, каков он на вкус. Совсем немножечко. Утолит ли крошечный укус мою тоску по нему? Будет ли свежая кровь отличаться от консервированной? Вкуснее ли ангельская кровь человеческой? Наверняка вкус у него гораздо лучше, если один запах настолько притягателен.

Опомнившись, резко отдергиваю голову.

– Ты мне не нужен. – Нельзя поддаваться желанию, иначе я окончательно утрачу контроль. Буду тянуть и тянуть его кровь, не в силах остановиться. Что я вообще творю? – Можешь идти куда хочешь и оставаться там сколько хочешь. – На последнем слове у меня ломается голос.

Аз понимающе улыбается и медленно встает, плотно прижав крылья к телу. Представ передо мной в былом великолепии, они окружают ангела мерцающим сиянием. В отличие от меня он уже полностью здоров. На коже снова золотистый загар, татуировки обвивают предплечья и шею. Я так и не выяснила, что они означают, а теперь уже поздно.

– Ты больше не можешь сделать их невидимыми? – спра-

шиваю и тут же сержусь на себя, ведь по-прежнему стремлюсь узнать о нем как можно больше.

– Могу, но не хочу тратить ни секунды, чтобы их материализовать, если придется уносить тебя отсюда.

– Мне грозит здесь какая-то опасность?

Этот мужчина меня просто убивает. Неужели он не может просто подумать о себе?

– Нет. Просто предосторожность.

Скольжу взглядом по мышцам его пресса под облегающей футболкой и опускаюсь еще ниже. Мускулистые бедра обтягивают коричневые кожаные брюки, заправленные в сапоги. За поясом торчат два ножа. Очевидно, он явился сразу после тренировки. От сожаления о том, что мы потеряли и чего никогда друг о друге не узнаем, у меня сжимается горло. Хотя будь мы оба смелее, я бы сейчас лишилась гораздо большего. И скучала бы по нему гораздо сильнее.

– Всего три дня, – прерывает Азраэль мое чересчур пристальное разглядывание. Подняв голову, я замечаю, как тоненькие волоски на его шее встали дыбом. – Я пойду к Тоту и заставлю его расколотся. Ему известно все возможное о *Prima materia* и трансмутации. Я туда иду лишь из-за этого, – настойчиво произносит ангел, чтобы я поняла: он покидает меня, только чтобы помочь. – Но что бы ни рассказал Тот, когда я вернусь, мы снимем с тебя цепи.

Тогда меня уже здесь не будет. На лице Азраэля настолько мрачное выражение, что я бы испугалась, не знай, ради чего

он это делает. Он хочет прикасаться ко мне, не причиняя боли. Хочет целовать меня, трогать и заниматься со мной любовью. К счастью, он не умеет читать мысли, иначе выяснил бы, что я тоже этого желаю. Вероятно, даже сильнее, чем он. Хочу вновь почувствовать что-то, кроме ярости и страха.

– Пока не пообещаешь, что мы все исправим, можешь не возвращаться. – Это неправильное прощание, но если я позволю ангелу проявить ко мне еще больше любви, то сломаюсь.

Он колеблется, явно не желая покидать меня. Однако Азраэль должен. Он сам возложил на себя массу обязательств: перед друзьями, передо мной и, судя по всему, до сих пор перед Нейт. Они раздирают его на части, ведь ангел не может прыгнуть выше головы. Невольно я спрашиваю себя, как раньше могла считать его поверхностным эгоистом. Азраэль абсолютно не такой. Подобной маской он лишь защищается от новых ожиданий.

– Мне очень жаль, что я не смог избавить тебя от этого.

– Я знаю.

Азраэль говорит это не впервые. Еще несколько секунд, и я брошусь ему на грудь и начну умолять забрать меня отсюда. Прочь от любых обязательств. К сожалению, нельзя так с ним поступать.

– Если бы я мог все исправить, я бы это сделал. – Его теплый голос ласкает мою холодную кожу. – Обещаю тебе, что попробую. *Мы* все попробуем.

Во взгляде Азраэля вспыхивает огонек, который я не могу интерпретировать. Снова склонившись, он целует мои волосы. Ангел не хочет меня оставлять, это чувствуется по его поцелую. По тому, как, не прикасаясь по-настоящему, он берет мое лицо в ладони. Я прекрасно понимаю это, ведь его тоска – отражение моей собственной. Я очень редко позволяла себе демонстрировать слабость. И не стану начинать сейчас, хотя мне ничего не хочется сильнее, чем прильнуть к нему и позволить принимать все решения за меня. Однако этого делать нельзя.

– Сделай мне одолжение, – прошу Энолу.

Осталось мало времени, Азраэль отсутствует уже два дня. Будучи решительно настроенной поначалу, теперь я боюсь. Выйти за пределы дворца означает отказаться от защиты. Снаружи я буду зависеть исключительно от самой себя.

Пери, подтянув к себе колени, сидит на широком подоконнике и читает книгу. С тех пор как ушел Азраэль, Энола проводит у меня много времени. Странно, но благодаря своей неразговорчивости она оказалась на удивление приятной компаньонкой. Сейчас она смотрит на меня, нахмутив лоб.

– Кстати, что ты там читаешь? – спрашиваю я.

Она закрывает книгу.

– Собрание древних египетских легенд. Большинство из них – полное вранье. Все происходило совсем не так. Интересно, кто это написал.

– А автор там не указан?

Девушка спрыгивает с подоконника.

– Нет, но оно тоже из Александрии. По всей видимости, писцы скопировали истории со старых папирусов и так видоизменили, что в них не осталось ни грамма правды. Да, Сет совершал ошибки, но не был настолько безжалостным, как его описывают.

– Какие ошибки? – На самом деле я не желаю думать или говорить о Сете. Это бессмысленно, учитывая мои намерения. Если план сработает, скоро я снова окажусь лицом к лицу со своим убийцей, а он – со своей убийцей. По доброй воле бог ни за что не отдаст мне Кольцо огня.

В янтарных глазах пери появляется странный блеск. На мгновение у меня складывается впечатление, будто она собирается рассказать об этом подробнее, но затем просто пожимает плечами.

– Довольно много ошибок. Пусть тогда я уже дружила с ними, мы с Сетом были не особенно близки. Он никогда не воспринимал меня всерьез, а по большей части вообще не замечал. – Энола покусывает нижнюю губу. – После случившегося он ожесточился и стал дико упрямым. И очень, очень озлобленным.

– Осирис соблазнил его жену и зачал ей ребенка, – отзываюсь я. – Хотя это не оправдывает деяния Сета. Он мог просто подчиниться решениям аристов. Ведь рано или поздно должен был осознать, что сражается с ветряными мельница-

ми. – Одну несправедливость бог искупал другой. Такой путь никогда не бывает правильным. А я лицемерка, поскольку сама именно это и замышляю. Я выясню, известно ли Платону или кому-либо другому из этих чудовищ, где корона. Потом отниму у Сета кольцо и убью его.

– Так ему и следовало поступить, – вздыхает пери. – Только вот это абсолютно противоречило натуре Сета. Да и его заступничество за демонов импонировало многим бессмертным, несогласным с политикой аристов. Никогда прежде никто из богов не пытался сделать чего-то, что не принесло бы ему никакой личной выгоды.

Я ошарашенно моргаю. До сих пор я не слышала от нее ни одного доброго слова об этом боге. Почему теперь она его защищает?

– По-моему, он собирался свергнуть Осириса и занять его место. И править всеми вами.

Энола секунду медлит.

– Сам он никогда не говорил ничего подобного. Просто это всегда предполагалось. Мои братья присоединились к нему в надежде, что он обратит превращение отца, если выиграет войну. Они им восхищались.

– Однако ты не поверила Сету. И поэтому осталась с Азраэлем?

Или потому, что любила его? Не стоит ее об этом спрашивать.

– Нет, я не верила, что он способен на самоотверженный

поступок. Он был высокомерен и очень уверен в себе. С другой стороны, они все такие. Измена Нефтиды абсолютно выбила его из колеи. Никогда его таким не видела. – Она печально улыбается. – Это разбило сердце Сету, а ведь до того момента я могла бы поклясться, что у него вообще сердца нет. Но мои братья в него верили. Мне не удалось их переубедить. Они были взрослыми мужчинами и избрали свой путь. А я – свой. С тех пор я каждый день по ним скучаю. – Голубые вихри у нее под кожей начинают какой-то странный танец. Пери трет лицо, и голубое свечение пропадает. – Я по-прежнему не верю, что трансмутация подействует, – тихо добавляет она. – Извини.

Разумеется, не верит. Чтобы поверить, ей пришлось бы поставить под сомнение принятое в прошлом решение.

– Я хочу поговорить с Исфаилом, – меняю я тему. – Можешь попросить его зайти ко мне? Мне бы хотелось кое о чем его поспрашивать.

– О чем это? Вряд ли это понравится Азраэлю. Пусть у обвинений Сета нет доказательств, вполне вероятно, что все случившееся провернули Осирис, Исида и Исфаил.

Возможно, так и есть.

– Я тут прикована и не могу сама принимать никаких решений, кроме выбора тех, с кем хочу поговорить. Так что будь так любезна. – Я стараюсь убрать резкость из своих слов и натянуто улыбаюсь.

– Ладно, – поразительно быстро сдается она. – Но будь

осторожна, рассказывая ему что-то. Он не в курсе визита Азраэля к Тоту и не должен об этом узнать.

– Конечно, – обещаю я. Пути назад уже нет. Исафил не откажется исполнить мое желание, я в этом не сомневаюсь.

Высший ангел показывается в моей комнате, когда на улице уже давно стемнело. Я уже почти оставила надежду, подумав, что Энола все-таки ничего ему не передала.

– Ты хотела со мной поговорить?

Во взгляде синих глаз светится подозрение. Ему не нравится, что я позвала его. Исафил не обязан был приходить, но ему чересчур любопытно. С первых дней после моего обращения мы с ним больше не виделись, хотя я знала, что он остался во дворце. На нем коричневые кожаные штаны, а белая рубашка натянута на широких плечах. Короткие светлые волосы аккуратно уложены. Я терпеть его не могла, поскольку с трудом могла прочитать. Впрочем, теперь мне все ясно. Тайна и вина, с которыми он живет несколько тысяч лет, огромны. Его хоть иногда мучает совесть? Ангел делает пару шагов в мою сторону. Неужели он настолько любил Рамзеса, что ради этой любви пожертвовал всем? Исафил выглядит достаточно рассудительным, потому в это практически невозможно поверить. Впрочем, за самыми безупречными фасадами порой бушуют самые бурные страсти. Наверняка Осирис намеренно выбрал его, когда прочел мысли высшего ангела и узнал, чего тот жаждет больше всего на

свете. Я бы пожалела Исафила, не будь результат так ужасен.

– Сними с меня цепи, – требую я, не собираясь ходить вокруг да около. – Мне нужно исчезнуть отсюда, пока не вернулся Азраэль.

Со стаканом в руке он подходит ближе, и я улавливаю запах крови.

– Зачем мне это делать? – Исафил протягивает мне стакан и с отвращением наблюдает, как я пью.

Надеюсь, он не отравил кровь, хотя ничего необычного вроде не чувствуется. Закончив, облизываю губы.

– Я хочу отправиться в геенну к Сету, чтобы вернуть Кольцо огня и найти Корону пепла.

– Почему ты не предоставишь нам эту битву? – Он вновь отдаляется от кровати.

Я склоняю голову набок:

– А ты горишь желанием спуститься в этот ад? Кому-то необходимо это сделать, и ты прекрасно об этом знаешь.

Выражение его лица остается непроницаемым.

– А где гарантии, что ты не примкнешь к Сету, если я отпущу тебя? Он не захочет отказываться от новорожденного вампира. Ты станешь ценным пополнением его армии.

– Вряд ли я стану сражаться за того, кто сотворил со мной это. – Я слегка приподнимаю запястья, заставляя зазвенеть цепи. – И при первой же возможности разорву ему глотку. – Чтобы подчеркнуть свои намерения, я слегка оскаливаю зу-

бы.

Исрафил не моргает и глазом.

– Не стоит недооценивать Сета. Азраэль слишком часто это делал, и посмотри, к чему это привело. Аз в курсе твоих планов?

– Нет! – Я считала, что Исрафил обрадуется, если я исчезну, а он пытается меня отговорить. – Это мое решение. Он не должен ничего знать.

– Хорошо, ведь он этого не допустит. Скажи Сету, что Аз отказался от тебя или что тебе пришлось бежать, поскольку мы решили тебя убить. Он поверит.

Так, значит, Исрафил не старается мне помешать, а его вопросы – лишь проверка.

– Откуда такая уверенность?

– Он знает аристов. Мы никого не щадим.

Однако Сет знает и Азраэля, который не позволил бы им так поступить.

– Когда попаду туда, решу на месте, какую историю рассказать. – Я поднимаю руки, изобразив приглашающий жест.

– Подбросить тебя в Иерусалим?

– Хочешь меня отнести? – Да этому ангелу жить надоедо. – Плохая идея. По твоим венам течет теплая кровь. Я не настолько сильна и попросту укушу тебя. – А еще мне будет слишком больно от его прикосновений.

Исрафил пристально смотрит на меня.

– Я встречал мало людей, подобных тебе, – ни с того ни

с сего заявляет он. — Храбрых людей. Ты и в самом деле поразительно похожа на жену Рамзеса. Не только глазами.

— Она тебе нравилась? — Исфафил не в курсе, что его связь с Рамзесом для меня не тайна, и мне не терпится услышать ответ.

Ангел негромко смеется, но смех звучит вымученно.

— Она была женщиной, — насмешливо произносит он в попытке скрыть отчаяние. — Я не особенно обращал на нее внимание.

— Но ее любил Рамзес, — не удерживаюсь я от комментария. — Даже очень, если верить источникам.

Он сглатывает. Рамзес мертв больше трех тысяч лет, а Исфафилу до сих пор его не хватает. Ради любви он рискнул всем. И пусть звучит романтично, но это не так, поскольку из-за его эгоистичных желаний пострадали многие другие. Любовь оправдывает далеко не все.

— Несмотря на то, что она приходилась ему женой, совета он всегда просил у меня, — как ни странно, отвечает Исфафил. — Больше никто из людей не стал мне настолько близок. — Высший ангел прочищает горло, явно жалея о своей откровенности. — Я достану тебе какую-нибудь другую одежду. В таком виде в геенну идти нельзя. Ты в курсе, что тебя ожидает за воротами Харшиф? Если верить рассказам, царство Аида по сравнению с этим — мирное место.

— Вполне вероятно, но у меня вряд ли есть выбор. Только регалиям под силу это исправить. — Я указываю на себя.

– Разве я не говорил, что Сет вам солгал об этом? – качает он головой.

– Говорил, но надежда, как известно, умирает последней. Если я достану артефакты, ты выступишь перед другими аристоями за то, чтобы по крайней мере попытаться?

Исрафил издевательски ухмыляется:

– Если у тебя получится, я проголосую за то, чтобы мы попробовали осуществить трансмутацию после возвращения Атлантиды.

От меня не укрылось условие в его фразе, но на данный момент удовлетворюсь и этим.

– Не помешает кое-какое оружие и темная одежда.

В белых удобных штанах в темноте я буду чересчур заметна, и все равно придется ждать, пока джинны веселятся в садах. Вот только терпение, увы, не относится к моим сильным сторонам. Сейчас, когда решение принято, единственное мое желание – действовать. Быть может, я окончательно умру. Но лучше быстрый конец, чем по кусочку терять себя, пока в итоге не превращусь в нечто, не имеющее ничего общего со мной.

Полчаса спустя Исрафил возвращается в компании Исиды. Очевидно, побоялся освободить меня в одиночку.

– Не хочешь забрать кухню с собой? – интересуется богиня. – Чтобы она убрала наконец свои жадные ручонки от моего сына. Азраэль ожидает, что ты отправишься в геенну?

– В таком случае он бы сам меня отпустил, разве нет? Оче-

видно, ты не можешь себе такое представить, но я вполне способна принимать решения самостоятельно. И не играю у мужчины роль мальчика на побегушках.

Я плотно сжимаю губы, когда у нее в глазах вспыхивают искры гнева. Исида слишком упорно старается показать миру, насколько ей плевать на Осириса, и мне не хочется вызывать у нее подозрения. Но женщина, на протяжении тысячелетий покрывающая такой заговор, должна либо до безумия любить мужчину, который его устроил, либо сама быть безумной, либо жутко бояться разоблачения. Каждый из трех вариантов делает ее опасной противницей.

– Сет убьет тебя, едва ты окажешься в геенне, – предрекает богиня. – Хотя ты наверняка и сама в курсе. Кстати, я всегда выступала за независимость женщин.

– Разумеется. Ты первая феминистка в мире.

Игнорируя наш обмен любезностями, Исрафил подходит к кровати, подушечкой пальца стучит по цепям, и те падают мне на колени. Страхнув их, я сажусь. Груз исчез, и я свободна. В глазах ангела на секунду мелькает тревога, однако Исида возводит между ними и мной прозрачный защитный барьер, который я пусть и не вижу, зато ощущаю. А когда я не бросаюсь на них в попытке укусить, эти двое расслабляются. Любопытно, смогла бы я разрушить их щит? Сквозь тело течет сила, которая, очевидно, тоже контролировалась оковами. Она покалывает в кончиках пальцев, целиком овладевая мной. Меня сковали, опасаясь этого? Скорее всего. По-

ра выяснить, что это за силы и какими способностями они меня наделяют. Действительно ли я невероятно быстра, как описывается в легендах? Было бы здорово уметь летать, но за спиной ничего не шевелится. Кроме того, вампирам приписывают неутолимый сексуальный голод. Если вспомнить, о чем я думала все последние дни в присутствии Азраэля, это определенно правда. Еще одна ирония моей судьбы, поскольку у меня, по всей видимости, больше никогда не будет секса.

– Поторопись. Данте и Гор в библиотеке. Но, насколько мне известно, один из них навещает тебя каждый вечер. На мать у моего сына почти не находится времени. – Я не отвечаю, и Исида морщит нос. – Мне очень любопытно, что они там раскапывают. Ответы, которые они ищут, мы найдем только в Иерусалиме. Лучше бы мы убили Давида в свое время. Тогда и Соломон не родился бы.

– Да уж, все совершают ошибки.

Я с невозмутимым видом снимаю легкий, невесомый наряд джиннов. Данте и Гор ищут улики, которые докажут правоту Сета. Они не говорили об этом прямо, но я все еще в состоянии сложить один плюс один. Они делают это, чтобы выдвинуть на совете обвинения против Осириса, Исфафила и Исиды. Понятно, почему ведут себя так осмотрительно, и тем не менее это приводит меня в бешенство. Время разгадывать загадки прошло.

Отвернувшись, Исфафил отходит к окну, хотя я его об

этом не просила. Стыд — это для людей. Вскоре я переодеваюсь в мягкие кожаные брюки и куртку. Конечно, моя собственная кожа стала прочнее, но вместе с тем и чувствительнее, чем раньше. Невзирая на великолепное качество вещей, они трут. Исида не отводит от меня взгляда. Мы просто не можем отличаться сильнее. Она в тонком шелковом платье и я в боевом облачении.

— Вообще-то оружие тебе не нужно. Ты сама им являешься. В ближайшие дни твоя сила раскроется на максимум. — Вновь повернувшись, Исфафил вручает мне кинжал. — Лучше держись подальше от человеческих поселений, а в Иерусалиме держи себя в руках. Если совершишь убийство и тебя засечет бессмертный, мы не сможем тебя защитить. Ты демон, и любой охотник имеет право тебя уничтожить.

— Несмотря на силу, против опытного бойца у тебя нет шансов, — явно злорадствуя, добавляет Исида. — Впрочем, бьюсь об заклад, ты быстро научишься.

Сунув клинок в петлю на поясе, я быстрыми движениями завязываю волосы в узел.

— Разберусь как-нибудь.

Настроена я не так оптимистично, как это прозвучало, но у меня всего две возможности. Либо остаться во дворце джиннов, где все будут от меня шарахаться, как только я избавлюсь от цепей, либо взять судьбу в свои руки. Если честно, оба варианта не очень-то заманчивы. Еще я могла бы просто сбежать. Купить себе дом на каком-нибудь отда-

ленном клочке земли и утолять жажду кровью животных. Но тогда я обреку себя на невероятно одинокую жизнь, так что это последний выход. А до тех пор я испробую все, чтобы вернуть свое прежнее «я».

– Ты можешь покончить с Сетом, – уговаривает Исафил. В его глазах я вижу надежду. Надежду на то, что его роль в разворачивающейся игре никогда не вскрыется. По словам Сета, Исафил навещал его в изгнании. Тогда он утверждал, будто этот ангел терпимее остальных высших. Еще одна ложь. Готова поспорить, он знал, что Исафил выступал за его помилование лишь ради того, чтобы однажды убить. Должно быть, Сет стал для него вечным напоминанием.

Исида снимает пылинку со своего кафтана.

– Не убивай его, пока не выяснишь, где Корона пепла. Возможно, Соломон и ее вверил магам или хотя бы оставил им какую-нибудь подсказку. – Во всяком случае, я на это надеюсь. Кроме этой, у меня идей нет. – Постарайся как можно дольше сопротивляться искушению, – продолжает Исида. – Исафил прав, если ты убьешь, пути назад не будет.

Кивнув, я задаюсь вопросом, чем мне питаться, когда выйду за пределы дворца, как вдруг богиня достает из кафтана три запечатанные пробирки:

– Небольшой запас на черный день. Притупит особенно сильную жажду. Не хотелось бы потерпеть поражение, находясь так близко от цели.

– Спасибо.

Вот уж не ожидала от богини подобной заботы.

– Азраэлю не стоит знать, куда я делась. Он не должен отправиться за мной, – прошу я Исфафила.

Наверняка ведь чувство вины заставит его спуститься в этот подземный мир. Очевидно, в моем плане множество дыр. Я понятия не имею, что меня ожидает, не знаю, находится ли корона в геенне, и не могу предугадать, не приговорит ли меня Сет к окончательной смерти. Что ему мешает? Но пока я собираюсь попросить его об убежище и попробую вести себя как настоящий демон.

– Об этом я позабочусь, – обещает Исфафил. – Он верховный главнокомандующий нашей армии и обязан привести ее в боевую готовность, пока Сет не сформировал свою и не вывел ее на поверхность. Тор уже тренирует богов. Это будет последняя война, в которой мы сразимся, и в ней Сет не победит. – Впервые он явственно демонстрирует ненависть. Черты лица искажаются, а в глазах загорается ослепительный свет. Когда ангел стискивает кулаки, я замечаю маленькие молнии, пляшущие на тыльных сторонах ладоней.

В потере Рамзеса он винит Сета, а не Осириса, хотя на самом деле виноват тут лишь один – сам Исфафил.

– Значит, мы все решили.

Надеюсь, не позволить Азраэлю погнаться за мной действительно окажется так легко, хотя мне в это не верится. Впрочем, без скипетра он не пройдет за Камень Плача или

ворота Харшиф, а Михаил точно не даст ему артефакт для этой цели. В прошлый раз речь шла о спасении Азраэля, Гора и Данте. Ради меня одной никто рисковать не станет. Я не обманываюсь, однажды бессмертные и без меня отыщут Корону пепла.

Взмахнув рукой на прощание, я в несколько шагов оказываюсь у окна. От сада меня отделяют примерно двадцать футов¹ высоты. Рывок – и я спрыгиваю вниз, мягко и уверенно приземляясь на ноги. Из горла вырывается злой смешок. Вот награда, которую я получила за свою жизнь. Надолго не задерживаясь, направляюсь вперед. Осторожно делаю каждый шаг. После того как столько времени провела в постели, снова ходить непривычно. Тело ощущается по-другому. Более сильным и гибким. Одной рукой я способна вырвать с корнем среднюю пальму. Намеренно задерживаю дыхание, опасаясь натворить дел, если почувствую запах живого существа из плоти и крови. Медленно крадусь по саду мимо группы деревьев и фонтана. Время от времени еще слышны смех или вздохи, но я ступаю бесшумно, словно кошка. Но тут мой обострившийся слух улавливает перешептывание. Шепчет определенно Кимми, но с нею не Гор.

У меня мгновенно включается режим боевой готовности. Направившись на голоса, аккуратно раздвигаю в стороны листья. Меня до сих пор грызет совесть за спровоцированную

¹ Фут – мера длины; 1 фут равен 0,3048 метра. (Здесь и далее прим. переводчика.)

ссору между ней и Гором. Я поступила подло. Хотелось бы сказать, что это не моя вина, а того монстра, в которого я превратилась, но это будет ложью. Я завидовала Кимми, ведь у нее по-прежнему есть все, что отобрали у меня, и даже больше. У нее есть семья, и она намного лучше меня. Она дружелюбна, ни на кого не держит зла и никогда не пытается добиться своего, если при этом пострадают другие. В таком свете мое преступление выглядит еще хуже. Кимберли – хороший человек, а я никогда по-настоящему не ценила ее дружбу. Она всегда казалась мне чем-то само собой разумеющимся.

Обнаруживаю кухню на каменной скамейке рядом с воин-призраком, которому Саида поручила охранять ее. Перешептываясь, они смеются над чем-то. Между ними лежит сенет². Ради игры они сюда прийти не могли, для этого тут слишком темно. Даже мне с моим вампирским зрением не удастся разобрать значки на поле. Я уже собираюсь отвернуться, когда стражник приподнимает рукой подбородок, чтобы Кимми посмотрела на него.

– Твоя королева не придет в восторг, если узнает, что ты лапаешь ее гостью, – нарушает тишину знакомый голос, словно плеткой рассекая ночной воздух.

Теперь я не тороплюсь уходить, не в силах оставить Кимми наедине с двумя бессмертными. Кузина и ее сопровождающий встают, и мужчина покровительственным жестом кла-

² Сенет – древнеегипетская настольная игра.

дет руку ей на плечи. На его месте я бы этого не делала. Фигура Гора внезапно начинает выразительно сиять. Воин-призрак напрягается.

– Хватит рисоваться! – взрывается Кимми. – Ты ведь несерьезно. Если родился богом, это не значит, будто ты лучше. Что ты вообще тут забыл? Разве у тебя не назначено свидание?

– Назначено, но я подумал, что лучше поищу тебя. Ты готова к отъезду? – Он правда очень серьезен. Просто чудо, что Гор дал ей больше времени, чем планировал. Она каждый день приходила ко мне с Энолой и жаловалась.

– Я же говорила, что не уйду, – топает ногой Кимми. – А теперь вали отсюда. Тебе здесь не рады. И прекрати блестеть, это глупо.

– Я отведу тебя в комнату, – словно дикий кабан, упрямится Гор.

– Это сделает Харун. Он один из внуков Мириам, ты знал? Она даже пускает его в женские покои, и он пользуется доверием королевы, – сообщает кузина, кладя ладонь джинну на грудь.

– Очень рад за него. Исчезни, – велит бог. – Передай своей бабушке горячий привет. Дальше я сам тут разберусь.

Понимая, что проиграл, воин берет руку Кимми и целует. Затем, приняв облик джинна, улетает. Ну, хотя бы один из них благоразумен, пусть это и выглядит как отступление. Гор определенно бы довел дело до драки. Мне редко доводилось

видеть кузину в таком бешенстве. Возможно, она все-таки не совсем уж не держит зла, как я думала. Ее волосы будто пылают огнем, когда Кимми бросается вперед и бьет Гора по сверкающей золотом груди. Тот даже не вздрагивает.

– Ты властный, глупый, эгоистичный мужчина! – кричит она. – Я поеду домой, но лишь по одной причине: потому что так мне больше никогда не придется тебя видеть. Тебе постоянно нужно все портить. Думаешь только о себе. Избалованный ребенок, даже не знаю, зачем потратила на тебя хоть секунду своей жизни.

– Я тоже не знаю, – честно признается Гор, одним движением притягивая Кимми к себе. – Но все равно не допущу, чтобы он стал первым мужчиной, которого ты поцелуешь, – буквально рычит он.

Только это ее не пугает, и кузина с вызовом задирает подбородок:

– Не тебе решать. Даже если сегодня ночью я перецелую сотню мужчин, это даже и близко не сравнится с числом губ, которые ты уже осчастливил.

– Ты не перецелуешь сотню мужчин. – Гор краснеет от злости.

Позади меня тихо хмыкает Исида. И как она сумела подкрасться? Хотела убедиться, что я в самом деле уберусь отсюда?

– Как будто она найдет сотню мужчин. Просто смешно. Как же мне хочется придушить эту богиню. Мысли об

убийстве развеиваются, когда Кимми пытается вывернуться из объятий Гора.

– Отпусти меня, – требует она. – Мне надо собрать вещи. Пора начать встречаться с настоящими мужчинами. Тари была права.

Кузина толкается и упирается руками ему в грудь, но Гор гораздо упрямей.

– В чем она была права? – спрашивает он.

Я копаюсь в памяти в поисках мудрого жизненного совета, который я могла дать Кимми.

– Мне нужно снять отдельную квартиру, носить джинсы и футболки и ходить на вечеринки. Тогда за год меня поцелуют столько раз, что я собою со счета, – цитирует она.

У меня вырывается еле слышный стон, а Исида презрительно шепчет мне на ухо:

– Что за ерунду ты вбила ей в голову?

– Это полный бред, – объявляет Гор.

– И где же тут бред? – огрызается Кимберли, едва сдерживая слезы, а я уже на грани того, чтобы дать богу подзатыльник.

– Бред, что эти мужчины поцелуют тебя, только если ты изменишься. – Кимми перестает брыкаться. – Ты идеальна такая, какая есть, – взбешенно продолжает он. – Неважно, где ты живешь. Если тебе нравится жить с родителями, это нормально. Ты любишь их и любишь проводить с ними время. И неважно, как ты одеваешься. В ужасные платья в цве-

точек, джинсы, дурацкие разноцветные пижамы или эти откровенные блузки Джамилы. – Взгляд Гора опускается на глубокое декольте, и он сглатывает. – И если тебе нравится смотреть sentimentальные фильмы и есть при этом попкорн или пончики, то так и делай. И ты не обязана ходить на вечеринки, если тебе комфортнее дома.

– О... – Это все, что способна сказать Кимми, и я, если честно, тоже. Он все это заметил? Поразительно. Она моргает, а потом встает на носочки. – А если я хочу, чтобы ты стал первым мужчиной, который меня поцелует, это тоже нормально?

– Я для тебя недостаточно хорош, – после секундного колебания отказывается Гор.

– Может быть, но я все равно этого хочу, – произносит она, уставившись на него не менее мрачным взглядом, чем Гор на нее.

Его сопротивление угасает, и бог бережно привлекает Кимми еще ближе к себе.

– Я сделаю тебе больно, – снова предостерегает он.

– Я выдержу. Я хочу, чтобы это был ты.

Гор наконец-то сдается, и его губы с безграничной нежностью накрывают ее.

– Тебе пора уходить. Когда закончит с этой малышкой, он заметит тебя, – ворчит Исида. – А об этом я позабочусь. Отвлеку его, и он очень быстро о ней забудет.

Судя по всему, Исида видит ситуацию совсем не так, как

я. Ее сын так крепко обнимает Кимми, словно больше не желает ее отпускать. Мужские ладони ласково гладят ее по спине, и он целует кузину так нежно, будто она сделана из стекла. А ведь люди действительно такие. Их слишком легко разбить. Впрочем, Кимми сильная девушка. Сильнее, чем многие из нас. Своими мягкими, но настойчивыми атаками она добилась желаемого. В ее руках бог тает, как воск. Гор не захочет причинить ей боль, а если и сделает это, она переживет. Этот путь она избрала для себя самостоятельно. Возможно, ссорой, которую вызвала, я не так уж и навредила.

Не реагируя на идиотское замечание Исиды, просто уношусь прочь так быстро, что джинны, мимо которых я пробегаю, видят лишь смазанный силуэт, который тут же принимают за обман зрения. Словно став ветром, я за считанные секунды добираюсь до купола, скрывающего от людей земли джиннов. С другой стороны никто не войдет без разрешения, однако выйти я могу. А потом стану свободна. Не только от оков, но и от всех обязательств. Больше не надо бороться за других, только за себя.

Сухой запах пустыни не вызывает ни страстных желаний, ни жажды крови, и я втягиваю его глубоко в легкие. Ночь так же холодна, как мое вампирское тело, а ласковое дуновение свежего ветра кажется мягким прикосновением. Жара во дворце рано или поздно убила бы меня. Через пелену мне еще видно очертания владений Саиды. Пусть все мечты и желания Азраэля исполнятся, однако я уже не буду их ча-

стью.

Три дня и три ночи мне требуется, чтобы преодолеть расстояние в девятьсот миль³ до Иерусалима. Долететь с Исафилом было бы быстрее, но я нуждалась в этом времени, чтобы привыкнуть к новой себе. Пару раз я вроде бы замечала крылья в небе, но успевала вовремя спрятаться. Меня до сих пор слегка ужасают собственные физические способности. Я невероятно быстрая и при этом почти невидима. Сейчас, находясь в Старом городе Иерусалима, чувствую, что силы мои на исходе. Меня мучает жажда. Жгучая жажда. И пусть близится полночь, на улице еще полно народа. Людей, которые пахнут свежей кровью. После побега я выпила лишь три пробирки, которые получила от Исиды. Готова поспорить, глаза у меня уже темно-красные. Кожа высохла, как бумага. Где-то должна быть больница. Если получится пробраться туда, смогу запастись донорской кровью. Пока удастся не набрасываться на живых людей, но долго я не продержусь. Инстинкт выживания возьмет верх.

Усевшись на невысокое каменное ограждение, я задерживаю дыхание и продумываю план. В меня врзается молодой человек. Хватаю его за руку, чтобы не упал, а он с виноватым видом смеется. Понятия не имею, что он видит в моих глазах, когда я невольно вдыхаю. Вероятно, желание. Но это не то же самое желание, которое отражается у него на лице.

³ Миля – мера длины; 1 миля равна 1609,344 метра.

– Милая, не стоит гулять по ночам одной. С тобой может что-то случиться, – говорит он.

Его приятели, на которых я раньше не обратила внимания, выкрикивают двусмысленные комментарии, и парень наклоняется ко мне. От него пахнет алкоголем, наркотиками, кровью и потом, и мне не удастся подавить жадный рык от столь соблазнительного коктейля. Вздвогнув, парень отшатывается.

– Убирайся, пока с тобой ничего не случилось, – выдавливаю я.

Шарахнувшись назад, он осеняет себя крестным знаменем и с каждым шагом отступает быстрее, пока не переходит на бег. Несмотря на это, я могла бы догнать его за секунду. Не могу больше сдерживать жажду. Парню повезло, что я себя контролирую. С таким голодом, как у меня сейчас, Сет и его магини и вправду могут купиться, если я притворюсь демоном.

Встав, я углубляюсь в лабиринт улочек. Когда кто-то задевает меня или хотя бы касается, прикусываю губу. Нужно всего лишь добраться до Стены Плача и найти вход. В туннеле в такое время уже никого не должно быть. Там я окажусь в безопасности, и люди, соответственно, тоже. Внезапно ловлю на себе презрительный взгляд какой-то старушки, продающей в киоске христианские сувениры. Смотрю на нее в ответ. Женщина визжит и тоже крестится. Другие прохожие поворачиваются в мою сторону, а она бормочет на иври-

те что-то, примерно означающее: «исчадие ада». Невзирая на темень, торговка заметила мои красные радужки. Опустив глаза, я растворяюсь в толпе, пока тут не собрался отряд линчевателей. Причем мне страшно не столько за себя, сколько за то, что я способна сотворить с людьми, которые подойдут ко мне слишком близко. Жажде в сочетании с силой и жестокостью моего тела достаточно самой малости, чтобы взорваться. С каждой минутой мне все сложнее не поддаваться инстинктам.

Свернув в узкий и, главное, безлюдный переулок, я остаиваюсь и прислоняюсь к стене дома. Воздух здесь спертый, пахнет сыростью и затхлостью. Иерусалим так часто ровняли с землей и отстраивали заново, что на самом деле здесь нет уже ничего с тех времен, когда разрушили храм Соломона. Тем не менее возникает ощущение, будто ты попал в другую эпоху. Во времена, когда люди еще знали, что чудовища и демоны – не выдумки киноиндустрии. В тени переуллка что-то шевелится. Мелькает яркая вспышка, и я автоматически принимаю позицию для атаки.

– Нефертари. – Голос принадлежит молодой женщине. – Сет не обрадуется, увидев тебя. Он был твердо уверен, что твой ангел о тебе позаботится.

Приблизившись, светлое сияние оказывается белым шелковым платьем. Абсолютно неподходящим для ночной прогулки и слишком провокационным, хотя, наверное, в этом и смысл. Такой наряд приманивает жертв.

– Кто ты? Мы знакомы?

Девушка выглядит максимум на два или три года старше меня. Откуда она знает Сета? И Азраэля?

– Раньше считалось бы, что я твоя мать, – улыбается незнакомка. – Но сейчас... – она с сожалением пожимает плечами, – семейными узами не дорожат.

Моя мать? Она с ума сошла или напилась? У меня нет времени на эту чушь. Девушка подходит еще ближе, и лишь тогда я отмечаю, что ее присутствие не разжигает во мне жажду, а тонкий слух не улавливает сердцебиение.

– Ты меня обратила. Ты – Юна, дочь Платона.

Не успевает девушка закончить кивок, как я уже набрасываюсь на нее и валю на землю. Впрочем, мой триумф длится всего секунду. Опрокинув, вампирша придавливает мое тело к грязным булыжникам. Щелкаю зубами возле ее горла, однако она лишь смеется.

– Жаль было бы позволить тебе умереть.

Вскочив на ноги, Юна создает между нами небольшую дистанцию. От ярости у меня перед глазами поднимается красная пелена, которую наконец-то можно выпустить, и я снова бросаюсь на нее. Вампирша просто делает шаг в сторону, и я врезаюсь в стену. От удара сотрясается весь дом.

– Упс, – невозмутимо произносит она. – Лучше нам убраться отсюда, пока не объявилась полиция. Спорим, ты голодна? Когда меня мучает жажда, я тоже становлюсь невыносимой.

– Я не невыносима, я в бешенстве! – ору я. – Как ты могла так со мной поступить? – указываю на собственное тело, но Юна вновь лишь смеется.

– Ты жива и практически непобедима. Так что не жалуйся. Бывают судьбы и похуже.

Это выбивает меня из колеи.

– Я не просила тебя об этом, – шиплю в ответ. – Я не хотела становиться такой.

– Думаешь, я хотела? – спокойно откликается Юна. – Меня никто не спрашивал. У тебя хотя бы имелся выбор, если я правильно помню.

Настоящим выбором это не назовешь. Кроме того, Малакай обещал, что в самые темные часы они с родителями будут за мной приглядывать. Правда ли он это делает? Хотелось бы мне его почувствовать. При мысли об этом мне чудится тихий смех. Брат был умнее, но из нас двоих бесстрашием обладала лишь я. Он называл это безрассудством и не ошибся.

Юна снова осторожно шагает ко мне.

– Мы – то, что сами сотворим из своей судьбы. – Еще одна мудрость с почтовых открыток, и я укушу Юну, хотя ей, скорее всего, даже больно не будет. Эти высказывания для людей, которые проживают день за днем, словно карабкаются на руках по перекладинам и висят над пропастью. Если мне не повезет, впереди меня ждет вечность. Эта мысль меня пугает. – Потребуется время, но ты привыкнешь к та-

кой жизни.

Я тихо фыркаю. Не желаю к такому привыкать. Ни к чему из этого.

– Ждешь, что я буду звать тебя мамочкой?

– Необязательно, – ухмыляется вампирша. – По имени вполне достаточно. – Она протягивает руку, и я ее пожимаю. Крепко. Впрочем, на лице вампирши не дрогнул ни один мускул. – Я уже плохо помню, но в самом начале мне тоже пришлось нелегко. Могу взять тебя с собой в геенну, – предлагает новая знакомая. – Сету это не понравится, но тут, снаружи, ты совсем беззащитна.

Вопреки или, может, как раз потому что больше не чувствую себя в плену, как было во дворце, ко мне возвращается часть прежней смелости. Что безумно и совершенно неуместно, ведь я читала сочинения Платона об этом аде. Мне стоило бы трястись от страха, однако Юна выглядит довольно расслабленной, и я не могу себе представить, будто она бросит меня на съедение демонам. Тогда можно было не утруждаться и не превращать меня. Впрочем, демоны – наименьшая из моих проблем. Сделают ли со мной что-то Сет и магини? Я все еще могу попрощаться и уйти. Сет мгновенно меня раскусит. Он поймет, что я пришла не ради того, чтобы выпить с ним на брудершафт. Но если сейчас вернусь к Азраэлю, он больше ни на миг не выпустит меня из поля зрения. Это мой шанс.

Мы с Юной идем бок о бок, и я наблюдаю за ней, скосив

глаза. За невинной внешностью и светлыми выющимися волосами скрываются стальные мускулы.

– Когда Платон тебя обратил?

– В 134 году.

Она заперта в этом теле почти две тысячи лет. При мысли об этом меня пробирает дрожь.

– Это случилось во время восстания Бар-Кохбы.

Все-таки не все изменилось. Я любопытна, как раньше, и это позволяет отвлечься. От страха, который возрастает с каждым шагом, и от жажды.

– Верно.

– Ты еврейка?

Даже превратившись в вампира, я не в силах унять интерес к прошлому. И отныне сама смогу наблюдать историю. Смогу прожить сотни лет и все помнить. В этой идее есть что-то заманчивое и вместе с тем ужасающее. С одной стороны, хоть какое-то утешение, но если мне захочется завязать с кем-нибудь отношения, что абсолютно неразумно, это означает бесконечное прощание с людьми, к которым я привяжусь. Даже видеть, как стареет и умирает Кимми... Я отбрасываю эту мысль. Не смирюсь с подобной судьбой. Юна со своей дурацкой цитаткой права. Мы – то, что сами сотворим из своей судьбы, а я была человеком и стану им снова.

– Нет, не еврейка, – прерывает она мои мрачные мысли. – Я была римлянкой, сопровождала своего отца по пути в Иудею. Останься я тогда с матерью в Риме, сейчас уже дав-

ным-давно умерла бы. Странно об этом думать.

– Вообще-то нет. Странно то, что ты до сих пор жива.

Девушка кружится вокруг своей оси, и платье взлетает у ее ног.

– Какое везение для тебя.

– Твой отец был римским солдатом? Ты ехала в обозе?

Она смеется и отрицательно качает головой, заставляя свои кудряшки подпрыгивать.

– Конечно, нет. Я путешествовала в свите императора. Я внебрачная дочь Адриана.

После этого заявления я спотыкаюсь.

– Что, прости?

– Ты все правильно услышала. Я была римской принцессой. Хотя и неофициальной. Кроме меня, отец больше не имел детей.

– Твой отец – один из самых успешных римских императоров, – произношу я, пораженная подобным открытием. – Он приказал построить библиотеку в Афинах.

Она закатывает глаза:

– А еще Пантеон и замок Святого Ангела в Риме. Он любил все греческое. Просто с ума сходил.

Улица постепенно пустеет, а мы приближаемся к территории храма. Я стараюсь подавлять усиливающийся страх. Сочинения Платона очень наглядно описывают геенну, но, держу пари, они не подготовили меня к тому, что там ожидает. Я почти надеюсь, что передо мной приземлятся несколько

ко воинов-призраков или Азраэль и унесут обратно. Кстати, странно, что гвардия Саиды нас еще не выследила. Она разместила здесь свою стражу. А хотя, может, это не так уж и странно. Саида хочет вернуть кольцо, то есть цель у нас одна.

– Адриан знал Платона? – спрашиваю, чтобы отвлечься.

– Разумеется, – подтверждает мои подозрения Юна. – Отец попросил меня обратить, не желая, чтобы я умерла.

По-моему, это жестоко. По пути мы почти не встречаемся с людьми, а те, с кем пересекаемся, нас избегают. Они инстинктивно ощущают, что мы создания, к которым лучше не подходить слишком близко. Пока не познакомилась с Азом и его друзьями, я не отличалась общительностью, но теперь получаю первое представление об одиночестве, которое меня ожидает. Можно ли к такому привыкнуть? Снова покосившись на Юну, я замедляю шаг.

– У Платона есть еще дети? – На последнем слове изображаю пальцами кавычки.

– Нет. Больше нет. Он обратился только меня, – мелодично отзывается вампирша.

Мой голос тоже звучит так мягко и мило?

– Почему?

– Он сам ответит на все твои вопросы. Ты представить себе не можешь, как он радовался, когда отыскал тебя, а Сет уже находился рядом с тобой.

Когда произносит его имя, в голосе Юны столько благоговения, что я принимаю решение не озвучивать свои мысли

об их короле. Очевидно, от нее можно не ждать помощи в уничтожении Сета.

Мы беспрепятственно добираемся до входа в туннель Стены Плача. Явившись сюда в последний раз, я уже не вышла из него живой. Прячу ладони в карманы куртки. Пещера – страшное и унылое место, но за воротами Харшиф меня ждут вещи куда ужаснее.

– Ты боишься, и это нормально, – говорит Юна, и мы шагаем в туннель. – Рита не пришла в восторг оттого, что я тебя превратила. Но если ты преклонишься перед их с Сетом властью, она не причинит вреда.

Помедлив, я следую за ней дальше по темному коридору, и, хотя он никак не освещается, мне все видно.

– Зачем ты вообще это сделала?

Девушка не оглядывается на меня, и ответа я не получаю. Легкой походкой она идет по проходу, а я шагаю следом. Воспоминания, словно яд, наполняют мое сознание по мере приближения к Камню Плача. Здесь мы еще могли развернуться, и тогда ничего бы не произошло. Но бессмысленно думать о событиях, которые уже не изменить. Надо сосредоточиться на цели. Это единственная причина, почему я не убегаю отсюда с криками. И мой долг перед самой собой – не сдаваться. Когда мы останавливаемся перед камнем, в голове и в груди у меня сгущается тьма. В прошлый раз на этом месте нас удерживала мощная магия. Сегодня я не улавливаю ничего подобного. И тем не менее кладу руку на кинжал

на пояс.

– Нас ждет не спокойная прогулка, – в последний раз предупреждает Юна, после чего что-то шепчет, и Камень Плача становится прозрачным. При помощи скипетра Микаил восстановил его, как будто никогда и не разрушал. Однако кое-что все-таки изменилось. Во время нашего первого появления здесь еще виднелись контуры меноры⁴, которую Соломон вставил в камень. Теперь они пропали. Менору забрал Микаил или она уничтожена? Чувствуя, как ко мне тянутся ужас и зло, обитающие на противоположной стороне, я вздрагиваю.

– Твои друзья в курсе, куда ты направилась? – как бы между делом интересуется Юна.

– Нет, я сбежала. Они заковали меня в цепи.

От шока она широко распахивает глаза.

– Не в темнице, – добавляю поспешно. – На вполне удобной кровати, к тому же приносили мне кровь и все необходимое.

– Все равно похоже на тюрьму. Однако побегом ты подписала себе смертный приговор. Если тебя обнаружит один из охотников, сразу убьет. Они не спрашивают, убила ты человека или нашла другой способ усмирять жажду. Тебе не хватит времени что-то объяснить. Ты – дичь, и никто тебя не спасет. Как говорится, спасение утопающих дело рук самих

⁴ Менора – подсвечник на семь свечей, один из древнейших символов иудаизма и еврейский религиозный атрибут.

утопающих.

Пусть считает, как хочет, однако бессмертные оставят меня в живых, пока надеются, что я верну им регалии власти.

– Знаю. Чего ты ждешь? Я сделала выбор, а ты продолжаешь болтать. Впусти меня.

Усмехнувшись, Юна протягивает мне ладонь, и я беру ее.

– Ты ледяная, – замечает она. – Намного холоднее, чем я.

– Это ненормально? Существа из плоти и крови не могут ко мне прикасаться. Это довольно болезненно.

– Никогда раньше не слышала о подобном. Спросим у Платона, наверняка у него найдется объяснение.

Вампирша тянет меня сквозь камень, и, несмотря на проницаемость его поверхности, триллионы песчинок, из которых он состоит, царапают чувствительную кожу.

Как бы я ни старалась его подавить, но по другую сторону камня мой страх усиливается. В этом месте я умерла. В этом месте едва не потеряла Азраэля. Я ахаю, заметив висящие на скале куски цепей. Повсюду валяются опаленные ангельские перья, а разлагающиеся останки убитых демонов адски воняют. Грязь у меня под ногами как будто шевелится. Сверхвосприимчивое обоняние передает запах в сто раз сильнее, и я перестаю дышать. Затем взгляд перемещается туда, где я обнимала Гора незадолго до момента, как до меня дотронулась рука Сета. На земле лежит перо. Разодранное и потускневшее. Но я все равно его поднимаю. На нем засохла кровь. Обхватив пальцами стержень, глажу все еще шелко-

вистый пух. Не стоило покидать Азраэля без единого слова. Этого он мне не простит, хотя, возможно, однажды поймет, почему мне пришлось уйти. Положив перо в карман, я решительно оборачиваюсь к Юне.

– К одиночеству привыкаешь, – медленно произносит она. – Становится проще, если стараешься забыть свою прежнюю жизнь.

Этого я делать не собираюсь. Не желаю ничего забывать. А перо станет светом во тьме, которая меня ожидает.

Юна прикладывает руку к стене, и материализуются ворота. Приблизившись, внимательно их рассматриваю. В прошлый раз мне не представилась такая возможность, а сделав это сейчас, я сразу отшатываюсь, поскольку острые края черепков⁵ оставляют порезы на моей коже, которой вообще-то следовало стать неуязвимой. Я таращусь на собственную ладонь. Естественно, крови нет, а раны тут же затягиваются, но все равно больно.

– Первый урок перед геенной, – забавляясь, объявляет Юна. – Просто ничего не трогай.

– Это не черепки, – сглатываю от ужаса, – это раздробленные кости.

– Хм, точно подмечено, – кивает она. – Когда Долина убийства провалилась, в ней так сильно поднялась температура, что кости бесчисленных мертвецов, которых здесь принесли в жертву, расплавились. По мере остывания они затвердева-

⁵ Другое название ворот Харшиф – Черепковые ворота.

ли, и эти осколки выглядели как стекло. Отсюда и название.

– Какая мерзость.

– Точно, но ворота – самое безобидное, что тут имеется. Держись рядом со мной, и если позволишь дать тебе еще один совет... – Юна не дожидается моего согласия, а сразу продолжает: – Подчинись Рите. Не дерзи, не бунтуй и делай, как она говорит. Не смотри ей в глаза. Любой, кто пытался усомниться в ее авторитете, позже горько об этом пожалел.

– Я думала, теперь Сет ваш король.

– Так и есть, но Рита так долго правила и всех терроризировала, что большинство обращенных продолжают ей повиноваться. Она королева.

– Сет знает об этом?

– Конечно. И принимает это.

Ворота слегка приоткрываются. Юна ведет меня внутрь, и створки бесшумно соединяются позади. И все равно я вздрагиваю, когда вокруг смыкается непроглядная тьма.

– Твои глаза скоро приспособятся, – словно издалека слышится голос Юны. – Немного непривычно только в первый раз.

Я шарю руками у себя за спиной. Неважно, поранюсь ли снова, мне нужно за что-то ухватиться. Ворота исчезли, и под подушечками пальцев ощущается отполированный до гладкости камень. Наконец среди темноты проявляются контуры. Я различаю лощину, слева и справа окруженную голыми серыми горами. Через нее течет река, на берегах кото-

рой высятся черные стволы деревьев, выглядящие так, будто их окунули в смолу. Судя по всему, на поверхности долины выглядела примерно так же, только с зелеными холмами и листвой на деревьях. Во всяком случае, до того, как царь Ахаз избрал ее местом для жертвоприношений. В конце реки изгибается и скрывается за одним из холмов. Черепкового дворца нигде нет.

– Готова? – шепотом спрашивает Юна. – Дорога ждет не из легких.

Я уже догадалась. Раньше мне не доводилось видеть ничего похожего на эту долину. Поистине гиблое место. Все, что когда-то было зеленым и полным жизни, в этом мраке постигла мучительная смерть, а если что-то продолжает существовать, то оно определенно мертво внутри. Почему при первой встрече с Ритой это сразу не бросилось мне в глаза? Эта женщина уже давно не живет по-настоящему. От нее осталась лишь оболочка из зла и подлости.

– Не отходи от меня ни на шаг. Твой запах учуют и захотят выяснить, кто ты, легкая ли добыча. Некоторых обращенных голод толкает на отчаянные поступки.

– Сколько обращенных здесь живет?

От земли поднимается гнилостный смрад. Едва сдерживая рвотный позыв, настолько отвратителен этот запах. Если бы передо мной не стояла конкретная задача, я бы уже умоляла Юну отвести меня обратно.

– Никто не знает, – пожимает она плечами. – Когда Аль-

Джанн проклял ангелов и джиннов, возникло бесчисленное множество превращенных. Они стали существами, населяющими людские легенды и предания.

Словно доказывая ее слова, недалеко проносится табун кентавров. Я с изумлением разглядываю блестящие черные лошадиные крупы и длинные развевающиеся волосы. У некоторых в руках мечи и луки.

– Они не могли остаться в мире людей, – объясняет Юна, потянув меня за одну из скал. – Лучше им нас не видеть. Кентавры злобные и коварные. Креней, их предводитель, верен Рите.

Один из гибридов, бегущий на полном галопе, резко останавливается и встает на дыбы, а потом бьет в воздухе передними копытами и издает жуткий боевой клич, прежде чем помчаться дальше.

– Это он, и он на охоте, – хмуро комментирует Юна. – Отлавливает тех, кто восстает против Риты. Впрочем, работы у него немного.

– Я думала, Аль-Джанн превратил джиннов и ангелов в уродливых тварей.

– Это правда. Есть множество чудищ и жутких монстров, которые не помнят, кем были раньше. Они слепо подчиняются приказам Риты. Они же напали на вас в пещере. Это обращенные, которые оставили надежду вернуть прошлую жизнь. Вместе с потерей надежды изменился и их облик. Изначально проклятие превратило всех в химер, гибридов с

головами животных, которые под предводительством Аль-Джанна должны были вступить в войну против собственных народов.

– Но план Аль-Джанна не сработал. А аристой, не пожелав рисковать с трансмутацией, открыли охоту на обращенных, – подвожу я итог.

– Совершенно верно. Это идея Осириса, – подтверждает Юна. – А потом аристой велели Азраэлю и его армии либо убить их, либо запереть в Дуате.

– И с тех пор они защищают там Осириса. Как умно со стороны бога.

– Никто и не говорил, что он глуп, – пожимает плечами вампирша. – Остальные обращенные укрылись в геенне, чтобы спастись от преследования как со стороны людей, так и со стороны бессмертных. Маги предоставили им убежище, когда Кольцо огня создало это место. Однако никто не подозревал, что однажды Рита навяжет им свою волю. После того как Адриан замуровал Камень Плача, многие окончательно утратили веру.

Стук копыт давно прекратился, но мы продолжаем стоять за скалой.

– Тогда же появились первые вампиры? – спрашиваю я.

– Да, – коротко отвечает Юна. – Тогда.

– Я ничего этого не знала.

– Да и откуда? – снова пожимает плечами Юна.

Азраэль мог бы мне рассказать.

– Вы с Платоном верите в трансмутацию?

Внимательно наблюдаю за пустошью, с нетерпением ожидая ответа. Вся долина, подобно гигантскому болоту, маслянисто мерцает. Лишь изредка я замечаю выпуклости на поверхности. Они расположены чуть выше и, судя по всему, сухие. Честно признаться, пугающее зрелище.

– Конечно, верю, – спустя какое-то время говорит Юна. – Как по-твоему, для чего мы все это делаем? Хотя я бы рекомендовала тебе никогда не упоминать об этом в присутствии кого-то из магинь. Они помешают обратному превращению, ведь иначе у них больше не останется подданных.

– Аристои утверждали, будто Сет рассказывал о возможности трансмутации лишь с целью завладеть регалиями. А после того, что он сделал сейчас, они подозревают, что не ошиблись.

Откуда-то раздается ужасный рев, которому вторит пронзительный визг. Я вздрагиваю, ощущая, как звук буквально пробирает меня до костей.

– Тролли, – сухо поясняет Юна. – Все это тебе лучше обсудить лично с королем. Нам нужно поскорее добраться до дворца. Сегодня тут как-то чересчур оживленно. – Она заметно ускоряет шаг. – Смотри, куда наступаешь. Болото чуть ли не коварнее Риты. Просто иди по моим следам.

Мрак проглатывает последние слова, но я спешу за ней и слежу за тем, чтобы наступать только в отпечатки ног. Топкая почва чавкает под подошвами. Я перестала дышать,

чтобы избавиться от запаха, но маслянистая слизь неопределенного цвета присасывается к ботинкам. Сделав следующий шаг, погружаюсь в серо-зеленую субстанцию глубже, чем раньше. Мелькает что-то белое, и из трясины появляется рука. Белые кости тянутся вверх, словно намереваясь схватить. Я шарахаюсь назад, но Юна ловит меня за руку и удерживает, пока мне не удастся снова обрести равновесие.

– В болотах лежат тысячи мертвых, но они не причинят тебе вреда. Просто иди дальше.

Не отрывая глаз от мертвой конечности, чувствую, как волоски у меня на руках встают дыбом, когда остальная часть скелета вылезает из тухлой воды. Между ребрами торчит обломок стрелы. С костей свисает гнилая трава и еще что-то, что у меня не получается идентифицировать с ходу.

– Если не хочешь, чтобы тебя утащил водяной, пора двигаться дальше. Они стерегут эти кости как зеницу ока.

Отведя взгляд от мертвеца, я перешагиваю руку.

– Водяной?

– Они живут на дне болота, питаюсь костным мозгом. Но и от свежего мяса не откажутся. Их острые зубы и когти способны разорвать даже вампирскую кожу. Так что осторожнее с ними.

Из тины поднимается безволосая голова. Замечаю лишь огромные глаза, жабры и спинной плавник, который начинается ото лба и тянется назад. Водяной оскаливает зубы, когда Юна на него шипит, и его громадная перепончатая лапа

опускает скелет обратно в грязь. Уверена, без защиты вампириши он бы на меня напал.

Приблизившись к реке, Юна становится внимательнее прежнего. Здесь гораздо сильнее пахнет затхлостью, и мой чувствительный нос морщится от отвращения. По берегу среди гниющего мха разбросаны обглоданные белые кости.

– Не останавливайся, – командует Юна. – У реки живет всякий сброд. Многие из них когда-то пришли сюда из Дуата.

– Существует какой-то путь, связывающий Дуат и геенну? – Я пинаю ногой кость, и та падает в воду. По черной поверхности почти не расходятся круги. Это не вода, а вязкая жижа.

– На третьем уровне находится колодец, и по нему можно попасть в Дуат и обратно. Хотя там не лучше, чем тут.

– Думаешь, поэтому я здесь? – От меня не укрылось ее напряжение.

– Я видела твоего брата. После твоей смерти. Он милый. Ты по нему не скучаешь?

– Очень, но он не захотел, чтобы я пошла с ним.

– Ты злишься на него за это? Он хотел, чтобы ты жила.

Скривившись, я демонстративно озираюсь по сторонам:

– Вот что ты называешь жизнью? Если брат желал мне *этого*, то он наверняка меня ненавидит.

– Думаю, он просто верил, что ты поступишь правильно, – заявляет вампириша, направляясь к полуразрушенному мо-

сту.

А как правильно? Убить Сета? Малакай мог бы и дать мне совет. Деревянные стойки прогнили, а с перил в воду капает склизкая грязь. Вся конструкция в целом выглядит так, словно рухнет, как только я на нее наступлю. Малакай определенно не ожидал, что я в одиночку сунусь в этот ад. Или ожидал? Идти на попятную, увы, уже поздно. Над нами слышится карканье, и на обвалившиеся в нескольких местах доски приземляется какое-то существо. Оно похоже на птицу, хотя для птицы у него слишком длинные ноги. Все его пропорции не согласуются между собой. Склонив чересчур маленькую голову набок, оно расправляет крылья, отливающие металлическим блеском. Когда перья задевают дерево, на нем остаются глубокие борозды. Понаблюдав за мной огромными глазами, существо снова каркает. Я отступаю на шаг.

– Что это такое?

– Птенец Рух, – поясняет Юна. – Его можешь не бояться, а вот его родителей – вполне. Они раз в десять крупнее и за пару секунд вырвут тебе кишки. Все, конечно, снова отрастет, но приятного мало. – Ступив на мост, который начинает подозрительно раскачиваться и скрипеть, она будто танцует на досках. – Кыш, – велит птице. Та удивительно быстро взмахивает острыми, словно бритва, крыльями и садится на перила. Все это время птенец не сводит с меня глаз. А когда снова каркает, это звучит как зов.

– Поторопись, – требует Юна, уже добравшаяся до проти-

воположной стороны. — Скоро тут будут мамочка и папочка, а ты явно не хочешь с ними познакомиться.

Нет, не хочу. Шахерезада в своих сказках «Тысячи и одной ночи» неоднократно упоминала Рух. Марко Поло якобы встречался с ними во время своих путешествий. Это гигантские птицы, обладающие невероятной силой. Считается, что они питались мясом слонов, которых могли переносить по воздуху. Я смотрю вверх, однако там лишь темнота. Где-то этот ад должен заканчиваться, а над ним находится город. Откуда-то доносится размеренный шум.

— Беги! — кричит Юна. — Нельзя, чтобы они увидели тебя рядом со своим малышом.

Проглотив страх, я шагаю на мост. Я не так грациозна, как Юна, и сильнее раскачиваю его. Рух испуганно каркает. Когда мой взгляд сквозь отломанные доски падает на маслянистую речную воду, я замечаю серую чешую и деформированные рыбы хвосты других водяных. Кружась прямо под нами, они борются за нечто, напоминающее кусок мяса. Одна из тварей уставилась наверх, прямо на меня. Я как раз достигаю середины моста. Широко распахнув огромные глаза, он приплюхивается сплюснутым носом. Я очень осторожно продвигаюсь вперед. Внезапно второй водяной при помощи хвоста выпрыгивает из воды и пытается укусить меня. Клацают острые зубы, он промахивается. Испуганно отшатнувшись, я врезаюсь в перила. Под моей хваткой дерево раскалывается. Маленький Рух издает визг и испуганно машет

крыльями. Из воды выскакивает третья тварь и кидается на птенца. Мне слышно, как ломаются кости, когда он вонзает зубы в птицу и утаскивает ее за собой под воду.

– Твою мать! Беги! – вопит Юна.

Я бросаюсь вперед, игнорируя ломающиеся под ногами деревяшки. Шум нарастает и теперь раздается уже прямо над мной. В поле зрения попадают гигантские сверкающие крылья. Услышав щелчок клюва, я спотыкаюсь об острую доску, падаю вперед и приземляюсь на колени. Что-то врежется мне в спину. Кожа на куртке рвется, а моя собственная лопается. Боль, как будто меня ударили хлыстом, огнем пронзает все тело. Я поспешно вскакиваю на ноги, пока Рух снова не взмахнула крыльями, и мчусь к другому концу моста. Меня преследует ее злобный крик.

– Не оборачивайся, – велит Юна, когда я проношусь мимо. – Дорога на берегу тебя выведет.

Позабыты усталость и голод. Я бегу по грунтовой дороге, а вампирша держится позади меня. Каким бы невероятным это ни казалось, но мы быстрее птицы, которая какое-то время следует за нами, а потом сдается.

– Она отстала, – объявляет Юна, когда мы добираемся до поворота.

Остановившись, я одновременно дергаюсь назад. Я бежала так быстро, как никогда в своей жизни, и даже не запыхалась. И тем не менее от открывшегося перед глазами зрелища у меня перехватывает дыхание. На широкой равнине

возвышается огромный темный дворец.

– Больше не совершай таких ошибок, – отчитывает меня вампирша, пока я, потеряв дар речи, рассматриваю замок. Остроконечные башни буквально пронзают небо. Да, здесь имеются арки и выступы, но никакой симметрии. Из темной башни в центре словно вырастает одна пристройка за другой. От странного здания не пробивается ни искорки света, оно выглядит совершенно заброшенным.

– Каких ошибок?

– Надо было разбить водяному нос, тогда он и остальные отвалили бы, а Рух осталась бы жива. Нельзя показывать страх. Так ты становишься легкой добычей, хотя и сильнее большинства из них, и умнее. Они часто действуют, подчиняясь инстинктам, которые велют убивать.

– Вспомню об этом, когда на меня в следующий раз нападет монстр. – Я не могу оторвать глаз от дворца. – Неужели вы с Платоном столько веков были заперты здесь с магами и превращенными? Как вам удалось не сойти с ума? Не стать такими, как они?

– Мы с Платоном оставались на поверхности, а сюда спустились и предложили Рите свои услуги только после того, как люди откопали Камень Плача. – Звучит так, будто из-за этого она испытывает угрызения совести.

– Адриан хотел помешать тебе попасть в это место? – Мимо меня проносится легкий порыв ветра. – Поэтому он приказал замуровать Камень Плача? – Я растираю руки.

Юна понижает голос до шепота:

– Ко мне это не имеет никакого отношения. Никто не знал, когда вернется король, а кольцо следовало защитить. Им не должен был вновь завладеть тот, кто не имел на него права.

– То есть Адриан знал, что Кольцо огня у магов? И не потребовал его для себя?

Меня это по-настоящему удивляет. Римский император, который не жаждал большей власти, чем та, что ему полагалась? С трудом верится, будто существовал такой человек.

– Нет, он знал, какая участь постигла Александра, и не хотел ее разделить. Кольцо огня никогда и никому еще не приносило счастья.

Потому что оно принадлежит джиннам.

– Зачем Адриан попросил Платона тебя обратиться? – Как он мог поступить так с собственной дочерью?

– Я тяжело болела, а за несколько лет до тех событий он уже потерял Антиноя.

Вампириша снова внимательно осматривается, прежде чем продолжить путь. Здесь пахнет не так кошмарно, как возле реки. Но ландшафт выглядит еще более скудным и угнетающим. В общем и целом он состоит лишь из гладких серых камней. Холмы сменились окружающими темный дворец острыми горами. Среди черных вершин висит ядовито-зеленый туман.

– Нужно поторопиться, пока туман не спустился в доли-

ну, – подгоняет Юна.

Следуя за ней, не могу удержаться от очередного вопроса:

– Антиной, случайно, не был возлюбленным Адриана?

– Да, был. – Она словно газель перепрыгивает через два крупных валуна. – Он утонул в Египте, купаясь в Ниле. Папа едва не сошел с ума от горя. Он очень его любил.

Сегодня к этой истории отнеслись бы по-другому, поскольку Антиной был еще мальчишкой, когда Адриан сделал его своим любовником. Истинные обстоятельства его смерти неясны. Я балансирую на острых камнях. Адриан почти не воевал, но много путешествовал. Будь у меня с собой телефон, я бы погуглила, где он побывал. Но смартфон остался где-то во дворце Саиды. После превращения я больше не желала им пользоваться. Да и кому мне писать? Визит Адриана в Египет не мог быть случайностью. Знал ли он, что Соломон спрятал скипетр в Абу-Симбеле? Если да, то явно его не нашел. Или император предполагал, что Корона пепла тоже там? О кольце ему, очевидно, было известно. В Лувре выставлен бюст Антиноя как воплощения Осириса. Как по мне, многовато связей. Ловлю себя на желании обсудить новую загадку с Малакаем или с Азраэлем. Загоняю поглубже внезапно накотившую печаль. Я не могу себе ее позволить, поскольку самое позднее после того, как перешагну порог дворца, мне понадобится вся моя концентрация, чтобы выжить.

– Туман сгущается, – шепчет Юна. – Но мы уже недалеко.

Зеленые клубы действительно опустились ниже и теперь полностью окутывают горы. Ветер доносит до моих ушей странные звуки, похожие на хрип раненого. Когда я прислушиваюсь, по спине пробегает холодок, ведь прямо сейчас где-то там кто-то захлебывается собственной кровью.

– Это не по-настоящему. – Юна хватается меня за руку. – Туман пытается тебя заманить. Пообещай никогда в него не заходить. Слышишь? Никогда! – Паника в ее голосе растет с каждым словом.

Страхнув сковавшее меня оцепенение, я киваю.

– Почему?

– А ты как думаешь? Туман любит играть со своими жертвами, и через несколько минут ты будешь окончательно мертва.

Прежде чем я успеваю задать новый вопрос, мы достигаем своего рода поселения, которое я не видела издалека. Просто строения здесь такие же серые и темные, как скалы вокруг. Справа и слева от тропинки, ведущей отсюда ко дворцу, стоят разрушенные хижины. Из некоторых раздаются горловые звуки, а в других пляшут мерцающие огни. Держу пари, существа, которые селятся здесь, находятся в самом низу иерархии. К счастью, они не показываются. Земля под подошвами хлюпает, и несколько раз я едва не поскользываюсь. На кривых голых деревьях между жилищами сидят птицы и пристально следят за нами. Они заметно мельче, чем Рух, но благодаря острым клювам смотрятся не менее опас-

ными.

– Это пиксы, – сообщает Юна. – Большими стаями могут нанести вред даже вампиру, так что не дразни их. Они любят свежее мясо.

– Спасибо за предупреждение.

– Не за что.

Мы шагаем все дальше. Тропинка как будто стала бесконечной, хотя раньше я посчитала, что замок близко. Эта унылая пустошь, запах и тишину которой лишь изредка разрываю случайный визг, рычание или рев, выглядит как воплощение безысходности. Не понимаю, как кому-то удалось провести тут, внизу, хотя бы час, не говоря уже о дне или годе. Здешняя чернота так и норовит меня поглотить. Такое впечатление, будто мрак с каждым вдохом просачивается в меня все глубже, заполняя изнутри. Дорожка проходит по небольшому холму к перекинутому через крепостной ров мосту. Темный и грозный, перед нами высится дворец. Он огромен. Вершины башен теряются во тьме. Будь я до сих пор человеком, от страха мое сердце забилося бы так быстро, словно собирается выскочить из груди. Сжав руки в кулаки, я вглядываюсь в воду, однако в ней ничего не двигается. Этот мост явно прочнее предыдущего. Он не из дерева, а из таких же черных осколков, что и ворота, сквозь которые мы попали в геенну. Я запоминаю все в мельчайших подробностях. Когда придется бежать, мне нужно будет знать, как отсюда выбраться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.